Практическая антимагия

Автор:
Степан Кайманов

Практическая антимагия

Степан Кайманов

Когда-то Анхельм был счастливым отцом и верным мужем, когда-то его дом был полон радости и смеха, а о его редком даре никто и не знал. Но колдуны Эленхайма забрали у него все, чем он так дорожил. Жену, дочь, свободу. И теперь его имя наводит ужас на любого из творцов волшбы, а его необычный дар стал для них истинным проклятием. Месть в его крови! Ненависть в его сердце! Смерть в его руках! И ни великая армия, ни крепкая темница, ни магическая сила не помешают ему спасти дочь из колдовского плена…

Степан Кайманов

Практическая антимагия

Глава 1

Дурные вести

Перемещение по загробному миру напоминает полет на драконе сквозь тучи. Ничего не видишь, но чувствуешь, как тебя куда-то стремительно несет. Бросает то вверх, то вниз, то влево, то вправо. Кружит, переворачивает, словно листья на ветру. А перед глазами – непроглядная тьма. Сколько раз выходил из тела, а по-прежнему страшно. Ни на миг не покидает мысль: как там оно без хозяина?

Начинаешь себя успокаивать: мол, да все с ним в порядке, лежит себе без движения. Но на душе все равно тревожно.

С этой тревогой и выныриваешь из темноты – далеко от тела, в месте, где мечтал оказаться незадолго до сна. Несколько томительных мгновений ожидания – и можешь делать что угодно: летать птицей, кувыркаться в воздухе акробатом или подслушивать разговоры – никто тебя не заметит. Не всегда удается попасть с точностью до шага, но ошибка обычно невелика.

В этот раз из потустороннего мрака меня выбросило перед воротами постоялого двора Митрана вопреки желанию оказаться в его таверне. Прежде чем двинуться, я по привычке осмотрелся. Пусть меня не видят и не слышат, но кто знает, что произошло в пределах постоялого двора за время моего отсутствия? К примеру, черные всадники могли установить новые загробные ловушки. Помнится, в королевском дворце одна из них чуть не засосала меня. Но то дворец, там всегда найдутся претенденты на кубок с ядом, да и Арцис Храбрый, чуть что, сразу башку рубит, и совсем другое дело – таверна Митрана.

Поблизости мерцали только старые ловушки в количестве двух штук, и их для этого места было вполне достаточно. У Митрана, конечно, не святые останавливаются, но не припомню, чтобы тут постояльца жизни лишили; так, помирали иногда от недуга в дороге. Побаиваются хозяина, знают его силу. Как-никак бывший первый клинок Эленхайма, да и Митранова жена колдовством владеет. Попробуй такой паре перечить.

Хм. Брошенная у входа в таверну ловушка не пустовала. За полупрозрачными стенками потустороннего кристалла величиной с веретено и той же формы подрагивало существо, похожее на клок серой ткани. Нечто подобное доводилось видеть не раз. Внутри загробного кристалла томился дух, пойманный хитрой ловушкой и свернутый до размера еловой шишки. Эк кому-то не повезло: и кристалл так мал, что духу не повернуться, и место – то еще. Сдохнуть так далеко от города – врагу не пожелаешь; небожители дадут, возможно, и залетит сюда черный всадник через месячишко-другой, а не дадут, можно и целый год вот так куковать – в сжатом состоянии, медленно сходя с ума. Еще хуже подохнуть в лесу или отправиться на корм океанским рыбам: там ловушки вообще раз в сто лет проверяют. Поэтому, имейся выбор, я предпочел бы помереть в каком-нибудь крупном городе, где и кристаллы попросторнее, да и очищают их чуть ли не каждый день. Но… хватит о грустном.

Меня уже потянуло к ловушке, когда я наконец оторвал от нее взгляд. Заигрался, заигрался… Еще немного, и пришлось бы коротать время в компании чьего-то духа, дожидаясь черных всадников. Они-то не станут разбираться: дух ли ты умершего человека или потусторонний путешественник.

Взлетевший на вершину частокола петух Тимис запел. Именно запел – залился на всю округу протяжной соловьиной трелью, а не стал рвать глотку в свойственном всем петухам хриплом крике. Сложно понять, то ли Тимису действительно нравился новый голос, недавно подаренный женой трактирщика, то ли петух все еще надеялся услышать привычное «кукареку». Так или иначе, он продолжал петь, но то и дело затихал, словно бы проверяя: действительно ли его голос будит постояльцев или где-то поблизости завелся огромный соловей?

Я снова окинул взглядом постоялый двор и, не раздумывая, решил первым делом посетить Митранову комнату, расположенную на втором этаже. Утро раннее, постояльцы все равно спят. Смысла нет сидеть в пустом зале таверны. Не за тем летел…

Митран уже проснулся, но из кровати пока не вылезал. Его жена, Изольда, дрыхла без задних ног; хорошо магам: наколдуют себе крепкий сон – и хоть дракон рядом реви.

– Вот распелся, дурень! – буркнул Митран, а Тимис внезапно смолк, словно услышал хозяина. Не знай я трактирщика, подумал бы, что колдовством балуется не только его жена. – Так-то лучше, – сказал он, с неохотой скидывая покрывало.

Кровать заскрипела под тяжестью грузного тела. Митран перебрался на ее край и, позевывая, обернулся. За его широкой спиной тихо посапывала Изольда и, конечно, дремало тепло, взращенное за ночь. Такое приятное и нежное, манящее вернуться в постель. Я бы тоже не отказался нырнуть под покрывало, в нагретую-то кровать.

– Брр, – поежился Митран и заспанными глазами посмотрел в окно.

Из-за зеленого леса в ясное небо выползало солнце, разгоняя желтыми пиками лучей туман над зелеными верхушками деревьев. После трех дождливых дней такое утро согревало душу. Особенно Митранову. Дороги подсохнут – и пойдут,

поскачут эленхаймцы, а значит, и в таверне посетителей прибавится.

Митран сунул ноги в сандалии и под стоны половиц добрел до подоконника, чтобы, как всегда, окинуть хозяйским взглядом владения – самый лучший постоялый двор Свободных земель. Двор, известный на весь Эленхайм гостеприимством. Двор, где постояльцы даже в мыслях не держали, что на их жизнь, кошелек или лошадь кто-нибудь посягнет. И наконец двор, который встречал путников чудесным палисадником, усаженным красными розами и вишней.

Хозяин постоялого двора вдохнул полной грудью и на миг прикрыл глаза, наслаждаясь благоуханием цветов. К обеду упоительный аромат роз сменят совсем другие запахи – горящих поленьев, горячих блюд и табака.

Как же я понимал Митрана после года, проведенного в вонючей темнице! Воздух, наверное, был удивительно свеж, ветер не тревожил Свободные земли, солнце светило ласково и ярко. Казалось, даже небожителям будет стыдно портить этот дивный день.

Может быть, именно поэтому во двор – нет, не въехали! – влетели лошади, запряженные в черную карету. Причем влетели бесшумно. Не слышно было ржания, не топали копыта. Но покой чудесного утра все равно был нарушен. Рир, серый лохматый пес неизвестной породы, незамедлительно выскочил из будки и разразился лаем, надрывным и недобрым. А Митран бросил взгляд на Изольду. И вновь уставился в окно, с пристрастием изучая гостей.

На своем веку я повидал немало экипажей, однако все они – и быстрые, как ветер, и с каретами, стоящими целое состояние, и с лучшими возницами, в чьих руках кнут оживал и пел, – всегда мчались под топот копыт. Могли не скрипеть хорошо смазанные колеса, не трещать стенки кареты, но топот копыт при движении был слышан всегда. Этот же экипаж влетел совершенно бесшумно.

Экипаж принадлежал колдунам. На темной дверце ярче золота сверкала вязь причудливых символов, они же били по глазам с крыши, к колесам не липла грязь; возница не шевелился, и вообще складывалось впечатление, что сам он – часть кареты и потому не желает хоть немного размять затекший зад. Так что я нисколько не удивился, когда из кареты показался творец волшбы – лысый и бледный, в длинном черном балахоне. Некромаг, конечно, некромаг. Этого брата

я навидался с лихвой.

– Принесла нелегкая, – процедил Митран сквозь зубы и тут же обмяк.

Сзади бесшумно подкралась Изольда и обхватила, насколько это было возможным, пухлое тело муженька своими тонкими загорелыми ручками.

С тех пор как Митран обзавелся таверной, он пополнел, но зато его знаменитый меч теперь пылился на стене, чего так старательно добивалась жена почти двенадцать лет. На ней была только ночная рубашка, и Митран, судя по всему, на некоторое время забыл о неприятных гостях. Грудь жены-колдуньи коснулась его спины, пышные каштановые волосы пощекотали мощные плечи, тонкие пальчики погладили густую бороду.

Псина по-прежнему надрывалась, заходясь истошным лаем, и вертелась волчком, гремя цепью. Некромаг ее не замечал. Стоял перед открытой дверцей кареты и глядел себе под ноги.

– Твои пожаловали, – пробубнил Митран недовольно.

К магам и иже с ними он относился так же, как жена относилась к его буйным выходкам молодости, которые непременно сопровождались грандиозными пьянками, кровавыми драками и погонями через весь материк.

Изольда опустила руки и уставилась в окно широко раскрытыми глазами – темными, как сама бездна, истинно ведьмовскими. И глаза эти при виде некромага и усеянной загадочными символами кареты загорелись от радости, ибо творцы волшбы появлялись тут куда реже эльфов. А последний бессмертный забредал в таверну месяца эдак четыре назад.

У Митрана глаза горели не меньше, но, как понимал я, совсем по другой причине. Люди сказывали, что нынешний король Асгота, потомок самого Валлара Великого, весьма недоброжелательно относится к волшбе. И вроде бы время от времени даже гоняет колдунов и некромагов. Пустишь таких по доброте душевной, потом хлопот не оберешься. Арцис Храбрый столь же храбр, сколь и жесток. Спалит двор не задумываясь. И ладно если только двор – будет не в духе, сожжет вместе с ним и хозяев.

Изольда трижды щелкнула пальцами, и я невольно вспомнил значение знака: один щелчок – серое домотканое платье, два щелчка – красный сарафан, три…

Я поглядел на гардероб, втиснутый между окном и кроватью. Так и есть: на распахнутой зеркальной дверце задергалось, точно живое, голубое платье; наряд скатился по ней и, помахивая короткими рукавами, поплыл над полом. Позади меня уже стучали каблучки – это по велению хозяйки вынырнули из-под кровати светлые изящные туфельки.

Тусклый зеленый свет покрыл ладони. Изольда медленно провела ими ото лба до затылка, и растрепанные длинные волосы покатились волнами, ровно, волосок к волоску, опускаясь на спину и худые плечи. Поправив прическу, колдунья вытянула вверх руки, и платье само прыгнуло на них, постепенно скрывая прелестное стройное тело.

Митран надул и без того пухлые щеки. И, надо признать, было отчего. На его постоялый двор несколько минут назад влетела карета неугодных королю некромагов, а на Изольду их появление подействовало так же, как дождь – на сохнущий кустик. Митранова жена сияла от радости, да так заметно, что сейчас, наверное, могла с легкостью заменить масляный фонарь.

– Слушай, ты бы их как-нибудь спровадила побыстрее, – неуверенно произнес Митран. – А то…

– А то? – ухмыльнулась Изольда и повернулась к двери.

– Можно подумать, ты не знаешь, что некромаги совсем не числятся среди королевских фаворитов. Они-то уедут, а нам с тобой здесь жить.

– Иногда я жалею, что ты зачехлил свой меч, – неожиданно грубо бросила она через плечо.

– Если бы Арцис прибыл сюда один, я бы…

Слушать его оправдания не стали. Изольда хлопнула дверью, и хозяин постоялого двора тотчас сжал кулаки. А что ему еще оставалось? Мгновение назад самый дорогой человек в мире больно, очень больно уколол его, сказав

что-то вроде: где тот бравый вояка, который не боялся ничего, даже смерти? Было бы не так обидно, если бы именно этот самый дорогой человек не заставил его, бесстрашного воина, навсегда оставить меч.

От обиды Митран надулся еще больше и с шипением метнул огромный кулак в сторону двери, жалуя им не то Арциса, не то некромагов, не то строптивую женушку. Не хотелось бы во плоти оказаться на пути у этого кулака. Так лихо он пронесся сквозь меня, что сразу мелькнула мысль: есть, есть еще стрелы в Митрановом колчане.

На следующий летящий кулак я смотрел уже снизу вверх, ибо медленно опускался на первый этаж таверны, проваливаясь сквозь пол…

Я повис посреди таверны. Над круглым столом, занятым гномом. Детина гор тоскливо глядел в пустую кружку и облизывал мокрые от пива усы; на густой черной бороде сверкали янтарем капли. Легко представить, с какой жадностью гном опрокинул эту кружку. И нетрудно догадаться, какое его мучило похмелье, если он, чуть продрав глаза, влетел в зал таверны в одной набедренной повязке.

– Еще пива! – Гном хватил кулаком по столу, заставив кружку подпрыгнуть. – Хозяйка, еще пива!

Смачная отрыжка. Про листья хиндариса, которые прекрасно избавляли от похмелья, гном то ли и слыхом ни слыхивал, то ли брезговал всем эльфийским.

Помимо хмурого гнома, готового за глоток пива отдать душу черным всадникам, других посетителей в зале не было. Некромаги почему-то не спешили заходить, Изольда затерялась где-то на втором этаже.

На грозный гномий глас из кухни вынырнула Вирма – молодая тучная светловолосая служанка – и поспешила обслужить посетителя. Когда перед гномом опустили полную кружку, лицо его засветилось так же, как у Изольды, узнавшей о прибытии некромагов.

А вот, кстати, и она. Что ни говори, колдунья выглядит все еще соблазнительно. Смотришь на нее и веришь, что только такая женщина может заставить бывалого воина отказаться от любимого занятия. Интересно, каковы колдуньи в постели?..

Пока я предавался грязным фантазиям, обладательница стройной фигуры, пышных каштановых волос и магических способностей спустилась и направилась к единственному посетителю. К этому времени тот уже успел осушить вторую кружку и, довольный, глядел блестящими зенками на Изольду. В шаге от стола она остановилась и смерила счастливого гнома взглядом. Глаза ее коротко сверкнули, и я понял, что сейчас случится.

Магия во всей своей красе! Гном, сам не понимая почему, молча поднялся и поплелся к лестнице. Изольда покачала головой. Зрелище действительно было не из приятных. Почти голый, до неприличия волосатый, гном неуверенно переставлял кривые толстые ноги и часто оборачивался, спрашивая тупым взглядом больших орехово-карих глаз: а, собственно, зачем я туда прусь? Не каждый день подобное увидишь.

Да демон с ним, с этим гномом. Важно, по какой причине Изольда спровадила постояльца. Могу спорить на свой дух, в скором времени здесь должно было произойти событие, не требующее лишних глаз и ушей.

Не зря, не зря сегодня я залетел на постоялый двор. И, конечно, неспроста сюда наведались некромаги.

Пока он был один – лет тридцати, лысый, в черном балахоне до пола и с костяным жезлом длиной в две ладони. Словом, некромаг обыкновенный.

Любитель ворошить могилы явно чего-то опасался. Словно стражник перед прибытием короля, некромаг оглядел таверну от угла до угла и только тогда сел. Он ничего не говорил, лишь обменивался тревожными взглядами с Изольдой, по-прежнему поглядывая по сторонам. Наконец кивнул ей, и она тотчас уселась за его стол.

– Ты уверена, что здесь нам ничего не угрожает?

– Если только мой муж, – улыбнулась Изольда, и уже с серьезным видом добавила: – Не волнуйся, я все проверила. Постояльцы тебя тоже не потревожат. Я немного поколдовала над ними и на всякий случай заперла все двери. Кроме того, вчера отправила нескольких птиц на границы Свободных земель. Поэтому,

если королевское войско их пересечет, мы об этом узнаем. – Она немного помолчала. – Ситуация и впрямь настолько серьезна?

– Похоже, в этот раз Арцис не ограничится убийством нескольких из нас, – мрачно ответил некромаг.

– Думаешь, будет война? – удивилась Изольда.

– Будет. – Он тяжко вздохнул. – Узуйкам собирает некромагов и колдунов в Желтых горах, и поговаривают, Близнецов туда уже переправили. Если хочешь, можешь к нам присоединиться.

Изольда напряженно задумалась.

– Неужели Арцис осмелится бросить вызов тому, кто помог ему выиграть войну Трех королей?

– А зачем еще, по-твоему, королю освобождать Анхельма, будь он трижды проклят? Нам стало известно, что гонец в Барар уже отправлен.

На некоторое время я перестал слушать болтовню. А как иначе, если узнаешь, что тебя вот-вот освободят. После таких вестей другие волнуют мало. Пришлось с неудовольствием признать: какое бы отвращение у меня ни вызывали колдуны, иногда я все-таки был им обязан. Взять хотя бы этого некромага, которого я готов был расцеловать за столь чудесную новость. И, конечно, не стоит забывать Орлина. Только благодаря его силе, позволяющей оставлять на время тело, я не свихнулся в тесной барарской темнице.

Да, старина Орлин. Темный Путешественник – так называли его колдуны за способность покидать тело. Невероятно редкая способность, если верить книгам. Я прикончил этого почтенного колдуна и испил его редкий дар за неделю до того, как Арцис Храбрый зачем-то бросил меня в темницу.

Прошел уже год, а мне так и не объяснили причину заточения; даже не определили срок. Нет, никто не спорит, что на моей совести тридцать известных колдунов. Но, стоит заметить, колдунов, неугодных королю. Как говорится: «Враг моего врага – мой друг». А друзей, между прочим, без веских причин в

темницу не бросают.

– …обойтись без крови?

– Можно, – ответил некромаг. – Но тогда до конца дней придется носить клеймо.

– Клеймо? – Глаза Изольды округлились.

– Удивительно, что ты еще не слышала. Арцис хочет заклеймить каждого из нас, словно скотину. В столице уже объявили королевскую волю: либо клеймо, либо смерть. Так что готовь комнаты: скоро тут от магов отбоя не будет. Если их всех не перебьют.

– Но зачем?

– Кто знает. – Некромаг пожал плечами. – Возможно, очередной королевский каприз. А возможно…

Двери таверны распахнулись, и ненависть к творцам волшбы вспыхнула у меня как никогда ярко.

Они вели ее, словно дикого зверя.

Они вели мою десятилетнюю дочь.

Они вели мою маленькую Лилию.

На темной бесформенной одежонке зияли дыры, обнажая худое тельце. На шее болтался до боли знакомый серебристый ошейник, справедливо именуемый в народе рабским. Тонкая цепь тянулась от связанных рук. Поверх глаз и рта туго лежали широкие темные повязки, расшитые кроваво-красными и серебристыми рунами.

Без памяти я бросился к дочери, попытался ее обнять, но… преимущество потустороннего путешественника, которое позволяло свободно проходить сквозь стены, обернулось весьма прискорбным недостатком.

От бессилия я заметался по таверне, словно муха, накрытая склянкой.

Будьте вы прокляты, Некромаги! Будьте прокляты!.. Клянусь, как только обрету свободу, буду уничтожать вас, несмотря ни на что. Если бы, если бы сейчас сила была при мне, видят небожители, все вы легли бы тут замертво.

После недолгого оцепенения Изольда всплеснула руками.

– Вы привезли ее сюда, – испуганно прошептала она, покачивая головой. – Митрану это не понравится.

– Ты права: мне это не нравится! – зло произнес трактирщик с лестницы, и в зале тотчас повисла напряженная тишина, готовая в любой миг лопнуть звоном металла, хрустом костей и предсмертными криками.

Некромаги как по команде, вскинули головы и застыли, с тревогой посматривая на толстяка. Вернее, не столько на него, сколько на знаменитый меч, пристегнутый к широкому поясу. Сам Митран в кожаной жилетке, наброшенной на голое тело, серых необъятных штанах с черными заплатками на коленях и сандалиях на босу ногу ни тревоги, ни страха не внушал. Изольда пока лишь молча хлопала глазами. Признаться, я тоже был немало удивлен: после долгих лет меч вновь болтался на Митрановом поясе, пусть даже этот пояс ныне обхватывал заметное брюхо.

Трактирщик грозно прошагал по лестнице, заставив колдунью подскочить со стула. Не медля ни секунды, она бросилась к разгневанному муженьку, который, впрочем, не желал снимать напряжение. Он словно не заметил жену и демонстративно положил ладонь на эфес. Жадно надкусывая в тишине огромное зеленое яблоко, из кухни выглянула удивленная Вирма.

– Послушай, послушай, они скоро уедут. Я тебе обещаю, – зашептала Изольда, поглаживая плечо трактирщика. – Немного отдохнут и уедут.

– Пусть убираются немедленно! – прогремел Митран, не сводя глаз с моей дочери. – Иначе… – Он не закончил и на треть обнажил меч, одновременно отталкивая локтем колдунью.

Думаю, блеск клинка очень доходчиво объяснил некромагам, что да как. Однако, несмотря на угрозы, они спокойно сели за стол. Я ошибся: стрел в Митрановом колчане хватило исключительно на болтовню. Будь воин прежним, катились бы сейчас лысые головы вдоль половиц.

Некромаги усадили за стол и мою дочь. «Она… Сосуд… Способна бесконечно долго накапливать в своем теле магию…» – неожиданно всплыли слова подлого колдуна, который, захлебываясь кровью, придавленный моим сапогом к полу, словно таракан, умер через мгновение после недолгого объяснения.

Маги называли ее по-разному, но никогда я не слышал, как с их уст слетало настоящее имя моей дочери. Как, впрочем, и настоящие имена таинственных Близнецов, созданных задолго до моего рождения. Если хроники не врали, во времена правления Валлара Великого из-за таких вот живых Сосудов погибла уйма народа, покуда они не обрели постоянного владельца в лице Совета некромагов.

Как ни печально, Лиля ценилась выше Близнецов. Потому что, в отличие от них, могла хранить не только сотворенные заклинания, но и чистую магию – магиату, как называл ее мой учитель Фихт Странный. Страшно подумать, что случится с королевским войском, если Арцис Храбрый и вправду решит штурмовать обитель некромагов в Желтых горах. Стоит Узуйкаму собрать три Сосуда воедино, и его силы…

– Пора ее покормить, – недовольно произнес один из некромагов, и двое других еле заметно покивали.

Пора ее покормить?.. Падаль.

Они использовали ее, словно кувшин для вина.

Они относились к ней как к животному.

Они связали ее, будто свирепую тварь.

И они совершили самую ужасную ошибку в жизни: тогда, три года назад, не убили меня. Они убили Марту, похитили Лилю, но забыли про меня. Теперь,

когда я увидел, что некромаги сотворили с дочерью, они захлебнутся в крови. О нет, больше я не буду просто высасывать из них силы. Каждый встречный некромаг испытает такие муки, что будет рад сдохнуть, да я не позволю.

– Вирма, подавай на стол! – крикнула Изольда, тем самым опровергая известный миф о том, что некромаги питаются исключительно трупным мясом.

Митран опять надулся пузырем, когда понял, что в его таверне, в его присутствии, его жена будет кормить малолетнюю пленницу некромагов. А он будет покорно наблюдать за этим безобразием, краснея от гнева.

Эх, Митран, уже давно нужно было рубить им башки и освобождать мою дочь! Лепешка ты коровья, а не воин!

Из кухни выплыла Вирма с самым большим подносом, который мне приходилось видеть. Она торопливо поставила его на стол, едва не опрокинув кувшин, и поспешила удалиться. Подальше от странной девочки. Подальше от моей плененной дочери.

– Открой дверь, – повелел некромаг, держащий Лилю на цепи.

– Зачем? – удивилась колдунья, но все равно направилась к дверям.

– Нужно кое от чего избавиться.

Я полностью понимал Изольду. А вот Митран меня просто умилял. Не удивлюсь, если узнаю, что тут причастно колдовство. Как-то слишком быстро он смирился со своей новой ролью и из крепкого хозяина, готового спровадить неугодных посетителей любым способом, превратился в беспомощного надутого толстяка.

Подниматься некромагу не хотелось. Он слегка дернул цепь, и Лиля покорно опустилась рядом, чтобы этот урод мог легко снять повязки. Подлец повернул дочь к распахнутым дверям, сам отстранился от нее на расстояние вытянутой руки и осторожно, кончиками пальцев, сдвинул ленту с губ.

Изольда ахнула, у Митрана глаза полезли на лоб. Чего там! Даже я, Анхельм Антимаг, знакомый со всеми известными школами магии, никогда не видел

такого.

С воем, со свистом, с пронзительным писком из широко открытого рта моей дочери – моей несчастной Лилии – один за другим полетели разноцветные облачка. А на подбородке и щеках засверкали тонкие, как паутинки, молнии. Сплетенная из них серебристо-голубая сеточка добралась до челки, выглядывающей из-под капюшона, сверкнула ярко-ярко – и с треском исчезла.

Но этим дело не кончилось. Некромаг с еще большей осторожностью сдвинул повязку с глаз, и столы в зале подпрыгнули разом, словно земля под таверной сотряслась. Полные тьмы глаза дочери – незнакомые глаза, лишенные зрачков, – выпустили нечто невидимое, но ощутимое. Как будто дракон вылетел из таверны, предварительно топнув лапами.

Ублюдки! Они накачали ее магией сверх предела – так, что хрупкое тело при любой возможности старалось избавиться от излишков, не выдерживая колдовства.

Я заметил, что один из некромагов смотрит на меня. Причем так, как смотрят на человека из плоти и крови. В надежде увидеть кого-нибудь за спиной, обернулся: позади не было ни души.

Похоже, некромаг обладал потусторонним чутьем. Как бы там ни было, мерзавец не переставал пялиться в мою сторону. Он не смотрел прямо в глаза, но его взгляд точно ложился на мою загробную сущность.

Прежде мне не встречались обладатели подобного чутья, и я не знал, что делать: лететь стрелой отсюда или замереть статуей? Но покидать таверну не хотелось: в пяти шагах от меня сидела Лиля, которую я не видел три года.

– Мы здесь не одни, – произнес некромаг, и его собратья по колдовству переглянулись.

Митран насторожился, его жена завертела головой, осматривая таверну. В тишине по мне заскользили встревоженные взгляды.

– Не понимаю, – сказала Изольда вполголоса. – Думаешь, духи?

Некромаг ответить не соизволил. Молча сунул костлявую руку в суму на столе и вытащил из нее засушенную кошачью голову с зелеными камнями вместо глаз и деревянной затычкой в черепе.

– Тьфу, – плюнул Митран и вновь недобро покосился на Изольду.

Немудрено, что простой люд из всех творцов волшбы больше других боится некромагов. Увидишь такую пакость, и какие только мысли в голову не полезут.

Пока я в мечтах убивал похитителей дочери самыми жестокими способами, некромаг откупорил кошачью голову и насыпал на ладонь измельченные кости, смешанные с серым порошком и клочками рыже-белой шерсти. После чего направил ладонь с колдовским порошком в мою сторону и, набрав в грудь воздуха, шумно дунул. Клочья шерсти и таинственный порошок разлетелись по залу, тускло поблескивая в солнечных лучах.

И теперь все глазели на меня.

Спрашивается: ну и что дальше? Обнаружили вы меня. Вот он я: парю неподалеку от вас, никуда не улетаю, ни на кого не нападаю. Веду себя, что называется, миролюбиво. Хотя, не скрою, некоторым из вас я с превеликой радостью вырвал бы сердце. Интересно знать, что вы собираетесь делать? Ах, это!..

Изольда вскинула руку, по ладони пробежали зеленые искры. Митран бросился ко мне, на ходу обнажив меч. Некромаги остались сидеть за столом. Знали, что ни оружием, ни молнией от духа не избавиться.

Митран подскочил ко мне и замахал мечом в надежде разрубить незваного гостя. Я ухмыльнулся: толстяк, желающий уничтожить потустороннее существо при помощи обычного меча, выглядел жалко. С таким же успехом трактирщик мог пытаться разрубить озерную гладь.

Лучше бы хозяин постоялого двора показывал мастерство на некромагах. Жаль, что для последних я лишь темное пятно посреди таверны и больше ничего. Возникшая из пустоты тень. Не без радости взглянул бы на ублюдков, если бы они поняли, кто парит под потолком. Если бы опознали во мне Анхельма Антимага.

– Уйди! – крикнули Митрану. – Нужно успеть, пока мы его видим!

Действительно, Митран, пора уже понять, что твой знаменитый меч бесполезен.

– Митран, отойди, – попросила Изольда. – Митран!

Он наконец-то отошел; пот выступил на лице, слышалось тяжелое дыхание. Был великий воин, да весь вышел.

Некромаги молча, не поднимаясь и не моргая, уставились на меня так, будто старались поджечь неугодного духа взглядами. А после разом направили в мою сторону костяные жезлы и начали бормотать заклинания, что-то там про сумерки снов.

Пришла пора уносить отсюда свою загробную сущность. Не получилось. Только сейчас я понял, почему некромаги не спешили колдовать, позволив Митрану вдоволь помахать мечом. Колдовской порошок не только обнаружил меня, но и сковал…

Печально. Злое колдовское бормотание толкало меня в неизвестность. Мрак вкатывался в таверну, пространство кривилось. Ощущение было таким, будто меня запихнули в невидимый и тесный сундук, а потом этот сундук бросили с высокой скалы.

Казалось, я падал целую вечность. Один. В густой безмолвной темноте. Не зная куда. Потеряв счет времени.

Да уж, в другой раз не стоит дразнить некромага с потусторонним чутьем. Если, конечно, он не забыл дома кошачью голову с колдовским порошком. Урок на будущее: увидел ее в руках колдуна – лети подальше. Так сказать, чтобы твои потусторонние пятки сверкали.

Незримый сундук, куда меня сунули некромаги, обрекая на увлекательное падение в темноте, наконец-то разбился. Правда, я не сразу осознал, что звучный шлепок, подобный удару хлыста по коровьей заднице, ознаменовал приземление. Мгновение назад мрак все еще был густым как воск, а теперь

передо мной простиралась равнина. Я словно прыгнул в глубокий и темный омут, скрывающий под толщей воды целый мир, невидимый снаружи.

Место, где я очутился, показалось знакомым. Полная луна серебрила листья одинокого дерева; звезды холодными огоньками мерцали на черном небесном полотне. Да, здесь царила ночь – такая же безмолвная, как покинутая мной бездна. Однако под ногами лежала твердь, что радовало несказанно.

Интересно, королевский гонец уже доскакал до Бар…

Кто-то точно хлестнул меня по щеке и испуганно, голосом капитана, который обнаружил течь на корабле посреди океана, крикнул в ухо: «Очнись, идиот! Пойми наконец куда тебя отправили! Посмотри вокруг!»

Я посмотрел. И понял, что до последнего момента словно находился во хмелю: ничего не понимал и ничего не видел. А тут – внезапно протрезвел. Но лучше бы я по-прежнему оставался с мутной от вина головой. Более того, согласен был немедленно вернуться в душную тесную темницу.

Каким-то чудом некромаги отправили меня в худший из моих кошмаров. Воистину, неведомы пути потустороннего мира.

Разглядывая себя, обретшего во сне плоть и поношенный балахон, я изо всех сил напрягся, стараясь проснуться. Но веки в реальности не желали размыкаться. Полгода назад достаточно было подумать о пробуждении, и я незамедлительно просыпался; увы, украденный, выпитый до последней капли редкий дар со временем утратил былую силу.

Я шагнул и ясно услышал, как внутри гнилого тела завозились черви.

Странно: по дряблой коже змеились трещины, обнажая кости моих рук, но боли не было. Ни боли, ни страха, ни сомнения – ничего. Настоящая жизнь давно вытекла из ран, подобно пойлу из пробитого кувшина. Теперь я был всего лишь куском мяса, закутанного в ткань рваного балахона. Больше ничем. Словно кокон, покинутый бабочкой. Пустой, как карман нищего, и одинокий, как это старое дерево посреди ночных равнин.

Я был проклят. Гуляющий по равнине ветерок сторонился меня; густая трава разбегалась бойкими волнами, как толпа перед невиданным уродом; казалось, даже червям было противно жрать мою плоть. В надежде покинуть собственный кошмар я вновь сосредоточился на пробуждении. Но добился лишь того, что черви завозились проворнее.

Каждый шаг давался с таким трудом, будто под ногами лежала не равнина, а непроходимое болото. В голове поселилась единственная мысль: а не развалюсь ли я на куски? Мне вообще было непонятно, зачем и куда я иду. Наверное, черви добрались и до мозга. По крайней мере, звуки их трапезы были такими четкими, словно мерзавцы копошились в моих ушах. Вдруг вспомнились слова пророчества. Черви – предвестники его появления. Тьма – его подруга. Ужас – его брат. Смерть – его войско. Подумаешь о демоне…

Тот, о ком писала безымянная прорицательница, появился. И с его приходом ветер стих, трава пугливо прижалась к земле, а луна спряталась за сотканной из туч вуалью. Теплый и легкий воздух внезапно потяжелел и зазвенел иглами холода. Точь-в-точь как в кошмаре.

Небожитель. Хашантар. И мой враг. Мой странный враг, являющийся только во снах. Я никогда не видел его наяву, да и не мог видеть, ведь, согласно легендам, он был повержен задолго до моего рождения волшебником Мараманом.

Враг гордо восседал на твари, словно под ним находился великолепный породистый жеребец. Хотя до жеребца, даже непородистого, этой твари было так же далеко, как мне до эльфа.

Тварь напоминала лохматую псину размером с быка. Серая и густая, как борода гнома, шерсть спуталась на боках, стояла дыбом на загривке, взбиралась змейками по козлиным рогам и жглась углями глаз на заросшей морде; нос – как будто растянутый в длину свинячий пятак – плотно порос серым пухом. Только хвост был лыс, как у крысы, – мерзкий розовый хвост, который качался из стороны в сторону. Туда-сюда. Туда-сюда. Туда…

Движение хвоста сгущало мрак, под мохнатыми лапами сохла трава. Не сомневаюсь, человек на моем месте уже давно испустил бы дух от страха. Мне испускать было нечего, разве что червей. Страх так и не поселился в моем мертвом сердце.

Бежать было бессмысленно. Куда? Если сама тьма помогала моему врагу. Зачем? Если я надеялся, что меч врага вернет меня в реальность. Поэтому я просто тупо стоял и дожидался своей печальной участи, словно чучело для армейских тренировок.

Долго, очень долго.

Враг не спешил. Медлил, одергивая свирепую и нетерпеливую тварь. Растягивал удовольствие, понимал я, откладывая мою смерть.

Он остановился в трех шагах от меня – закованный в кроваво-черные доспехи и безмолвный, как Смерть. Его тварь скалилась, рычала и пускала слюни в предвкушении пира, где единственным блюдом было мое гнилое тело. А я терпеливо ждал момента, когда меня начнут рвать на куски. Как и прежде, Хашантар молча взирал на меня огненными глазами сквозь прорезь в рогатом шлеме.

Небожитель вытянул из-за спины змеевидный меч. Почуяв руку истинного владельца, черная сталь пошла пламенем; фонтаном взметнулись яркие искры; на доспехах заиграли отблески. До моей унизительной гибели оставалось немного. Но я радовался, что меня вот-вот разрубят на части, словно коровью тушу. Как только это произойдет, я вновь окажусь в реальности. Во всяком случае, надеюсь, что окажусь. Иначе…

Меч взметнулся, его пламя заколыхалось. Мгновение, и он прошел сквозь меня, не встретив никакого сопротивления. Тут же зашипели в предсмертной агонии черви, с писком лопнули их белые жирные тельца; а я стал наполовину меньше ростом. Всего лишь один удар – и мои гнилые ноги вместе с подпаленной задницей, или что там от нее осталось, оказались в двух шагах от такого же гнилого и подпаленного туловища.

Боли по-прежнему не было. Надо мной висело бескрайнее небо и испуганно дрожали звезды; где-то между ногами и туловищем возились уцелевшие пожиратели плоти; поблизости глухо шлепала голодная тварь, подбираясь ко мне.

Кончено. В лицо ударил жар, на щеки полилась горячая слизь, мохнатая уродливая морда заслонила небо. Зубастая пасть-бездна раскрылась, пожирая

меня. Я почувствовал, как клыки входят в голову, и ясно услышал, как в теплой и влажной темноте хрустнул мой череп.

Глава 2

В ожидании свободы

Опять этот кошмар. Снова Хашантар явился ко мне. В ночной тишине, под холодным взором звезд вылез из сумерек сознания с одной лишь целью – убить. И убил. Рассек на куски мое слабое тело. К счастью, пока лишь во сне.

Увы, реальность была немногим лучше. Дурной сон сменился серыми каменными стенами темницы – такими же древними, как этот мир; благо не холодными, учитывая время года. За узким зарешеченным оконцем голубел клочок утреннего неба; под потолком слегка подрагивали собственноручно созданные огоньки – скудное наследие одного из убитых мною магов; по левую руку в двух локтях над полом парил знакомый призрак, именующий себя другом.

– Ты стонал во сне, – сказал он.

– Кошма-а-ары, – зевнул я.

Призрак над чем-то призадумался. Собственно говоря, вряд ли он был таковым, но другого слова для этого существа я не находил. Да, его черную бородку клинышком и кожаные цвета ржавчины доспехи со шнуровкой на руках и шее нельзя было пощупать, а руку – пожать. С таким же успехом можно было щупать воздух; пальцы свободно проходили сквозь одежду и тело существа, как будто его и не было. Однако на этом сходство с настоящими призраками заканчивалось. Призраки всегда одноцветны. Можно запросто смотреть сквозь них, как сквозь тонкое стекло светло-серого или бледно-голубого цвета. Сквозь этого призрака что-либо разглядеть было сложно. Наверняка он путешествовал, как я. То есть покидал на время тело. Только почему-то был виден простому глазу и скрывал свои способности. Призрак вообще не любил говорить о себе.

Он парил в шаге от меня, скрестив руки на груди и закинув ногу на ногу, будто сидел в незримом высоком кресле, откинувшись на спинку.

– Давно тут? – спросил я, усаживаясь на лавку.

Он покачал головой, и круглый кожаный шлем, закрывающий лоб и уши, блеснул серебристыми символами – словно рыбный косяк выпрыгнул на мгновение из озера, сверкая чешуйками в солнечных лучах. Вычурные символы были мне неизвестны. Ни гномы, ни эльфы, ни люди точно не пользовались такой письменностью. Хотя некоторые завитки отчасти напоминали те, что случалось видеть в текстах всех эленхаймских народов.

– Ну и что творится за пределами тюрьмы?

– В двух словах не расскажешь, – ответил я, и перед глазами возникла Лилия. Моя лапушка-зайка, замученная ублюдками-некромагами. Как там сейчас она? В таверне ли? На пути ли в Желтые горы? Удалось ли им ее накормить?..

Новостей действительно было много, и все они, так или иначе, были связаны с моей скромной персоной. Новость первая: я убедился, что моя дочь жива. Новость вторая: я наконец-то узнал, где ее искать. Новость третья: в Барар скакал королевский гонец с приказом о моем освобождении. Новость четвертая и последняя: назревала война, где мне была отведена какая-то роль – надеюсь, не отрицательного персонажа. Ну не стал бы Арцис так просто, по доброте душевной, освобождать того, кого поймал с таким трудом; тем более в то время, когда в асготском королевстве закипала очередная кровавая каша, способная утопить весь материк.

Я посмотрел на призрака, глаза в глаза:

– Арцис и вправду решил заклеймить всех колдунов и некромагов?

Призрак молча покивал. Я нисколько не удивился его осведомленности. Но обычно болтающий без устали, сегодня он словно воды в рот набрал. Моего друга эта весть не радовала, да и вообще он был сам не свой – мрачный и встревоженный. Таким я его прежде не видел. Не то он искренне сопереживал магам, не то понимал, какая страшная тайна кроется за их бедствием, а может быть, и то и другое.

– Что-то случилось?

– Случилось, – с грустью подтвердил призрак и тем же тоном добавил: – Война. Похоже, она неизбежна.

– Значит, правду говорят, что король хочет уничтожить Узуйкама?

– К тому идет. Ты был в столице?

– Нет, – ответил я и, прислушиваясь, посмотрел на дверную решетку.

В глубине Барара неторопливо затопали, позвякивая ключами, и сердце застучало чаще. Призрак тоже навострил уши и бросил взгляд в темный коридор, где уже стихли шаги. Не за мной. Пока не за мной.

Я перевел взгляд на опечаленного друга.

– Тогда откуда ты знаешь? – спросил он не без любопытства. – Про Узуйкама? Про клеймо?

– Да останавливались у Митрана одни нехорошие некромаги. Болтли-и-ивые.

– Понятно, – он с хитрым прищуром поглядел на меня. – Тебя что-то тревожит?

– Орлинский дар теряет силу, – приврал я. – Раньше мог легко до королевского дворца допрыгнуть. Теперь довольствуюсь постоялыми дворами Свободных земель. Там в основном и обитаю. Представляешь, выбрасывает на полпути. Да и возвращаться в тело становится все сложнее. А что в столице?

Он ответил не сразу, видимо, прокручивая в памяти не слишком приятные события, невольным свидетелем которых ему пришлось стать.

– Маги бегут, маги дерутся, маги умирают, магов клеймят, как скот. Солдаты врываются в их дома средь бела дня… Настоящая бойня.

Про «скот» где-то я уже слышал.

– Не понимаю, зачем Арцису понадобилось их клеймить? Что ему это даст?

Призрак пожал плечами.

– Зачем я тебя вообще спросил, – упрекнул его я.

Он грустно улыбнулся. Не сомневаюсь, призрак знал куда больше любого некромага и наверняка догадывался о причинах королевского желания. Только не хотел делиться со мной. Как всегда. Да и демон с этим желанием.

Барар медленно, но верно пробуждался. Все чаще раздавались шаги надзирателей, бряцали ключи на их поясах и скрежетали старые засовы. Для всех узников начинался очередной серый, полный тоски и нестерпимой безнадеги день. С небольшой оговоркой: для всех, кроме меня – единственного, кто обрел надежду стать свободным. Пусть не сегодня, пусть не завтра, пусть даже не послезавтра.

Только бы друг ничего не выкинул. Вон какой хмурый парит, словно сам не один месяц провел в Бараре. Еще не хватало, чтобы перед желанным освобождением меня забили до смерти сердитые тюремщики. Вряд ли им понравится призрак.

– Возможно, ты забыл, что тюремщики запирали меня здесь одного, и совсем не привыкли к виду призраков, – напомнил я. – Особенно к таким… разноцветным.

Призрак еле заметно усмехнулся в усы. Несмотря на опасность быть обнаруженным, он впервые почему-то не хотел покидать темницу.

– Думаю, не стоит их пугать, а? Не сегодня-завтра…

Призрак покосился на меня, теперь уже без смешка, и вновь погрузился в мрачные раздумья. Святая добродетель, едва не проговорился. Вот уж чего точно не стоит, так это призраку знать о моем освобождении.

До сих пор никто из надзирателей даже не догадывался, что я не всегда коротаю ночи в одиночестве. Потому что в течение целого года призрак вел себя мышью, которая успешно обходила ловушки, расставленные рачительными хозяевами погреба.

– Поведай мне свой сон, – вдруг попросил призрак.

Он прищурился, как от яркого света, и посмотрел мне в глаза, будто пытался увидеть в них мой кошмар. До сих пор он никогда не интересовался моими сновидениями, и его просьба меня насторожила. Примерно настолько, чтобы не сразу пересказывать сон, а прежде поразмыслить над тем, нужно ли это делать. Странно, что призрак появился именно в ту неделю, когда мне стали сниться кошмары, когда я пронюхал об освобождении. С другой стороны, он знал пророчество наизусть, а именно оно – вернее, его конец, – сбывалось во сне.

– Хашантар, – ответил я и сухо пояснил: – Мы бились с ним в ночи.

В подробности собственной гибели вдаваться не хотелось. Хотя я мог без труда описать каждый миг собственного убийства. А сам Хашантар, закованный в доспехи с ног до головы, по-прежнему стоял перед глазами; как, впрочем, и его тварь.

– Он был там не один, – добавил я, с дрожью вспоминая, как шавка Врага разинула надо мной зубастую пасть. – Ему помогала какая-то демоническая тварь, похожая на огромную собаку.

– Бабут, – произнес призрак отрешенно.

– Кто? – не понял я.

– Неважно, – ответил он задумчиво.

И это был его любимый ответ. Мы могли ночи напролет со смехом травить байки, обсуждать жизнь королевства, но как только разговор касался какой-нибудь тайны, связанной с пророчеством или со мной, то…

Призрака опять что-то встревожило. И вновь причину тревоги он не хотел раскрывать. Что за Бабут? Как он был связан с Хашантаром? Почему о свирепой твари ни слова не сказала прорицательница? И самое главное: каким образом таинственный Бабут пролез в мой сон? Если, конечно, это был сон. В истинности последнего я уже начинал сомневаться.

Загадки. Как всегда, одни загадки. И среди всего этого сплетения загадок самой большой оставался сам призрак.

Впервые он появился на третий день моего заточения. И даже способ его появления говорил о том, что призраком он все-таки не является. Беззвучно возник из пустоты посреди темницы, а потом так же исчез. Будь он призраком, наверняка прошел бы сквозь стену или влетел бы в окно.

Имени призрака я не знал. Но он непременно хотел, чтобы я называл его другом. И никак иначе. Много раз я спрашивал, как его зовут, а он в ответ скромно улыбался и вновь говорил: «друг, просто друг». Честно говоря, мне было плевать на его тщательно скрываемое имя. Просто я думал, назовись он, и это прольет свет на его неясные цели. Вполне возможно, друг жаждал моей смерти. Как-никак на его голове сверкал загадочными символами кожаный шлем, похожий на те, что надевают маги перед битвой. А творцы волшбы ненавидели меня не меньше, чем я их. Когда призрак явился в первый раз, я не сомневался, что это происки колдунов и некромагов. Поэтому и хотелось узнать о потенциальном враге как можно больше. Я и теперь не был уверен, друг ли он. Но призрак скрашивал мое одиночество, беседы с ним позволяли не умереть от скуки и порой узнать, что творится за стенами тюрьмы.

– Ты выглядишь другим, – подметил призрак, хотя я особо и не скрывал радость. – Выглядишь счастливым.

Чего нельзя сказать о тебе, подумал я и зарекся говорить о королевском гонце, несущем благую весть. Один раз уже чуть не проболтался.

Призрак не любил отвечать на вопросы, но очень любил их задавать, и я нисколько не сомневался, что скоро последует один из них: дескать, и чего ты так сияешь? Придется убедить призрака в том, что счастливым я выгляжу совсем не из-за прекрасной новости о королевском гонце. А по причине того, что…

– В таверне Митрана сегодня я видел Лилию.

– Мм, – многозначительно произнес призрак. Его холеные длинные пальцы ухватили кончик уса и начали его покручивать. – Теперь понятно. Рад, что твоя дочь жива и здорова, – улыбнулся друг.

– Точнее сказать, просто жива. Ты не представляешь, что они с ней сделали.

Призрак вопросительно уставился на меня. Он вообще заметно оживился с тех пор, как я сообщил о дочери. К чему бы? Неужели он как-то был связан с ее похищением? Или знал похитителей?

– Магии в ее теле больше, чем во всех колдунах с острова Черепахи, – поспешил пояснить я, вспоминая яркие разноцветные облачка, вылетающие в распахнутые двери. – Они обращаются с ней как с животным.

– Кто?

– Некромаги, – нехотя ответил я и добавил с упреком: – Можно подумать, ты не знаешь.

Призрак ничего не сказал, продолжая покручивать кончик уса. Но и не нахмурился. Словно пропустил упрек мимо ушей, как и намеки о том, что пора бы ему покинуть темницу.

Я сидел как на углях. Ни намеки, ни упреки не действовали на призрака; он решительно не желал улетать из темницы, куда в любой миг мог заглянуть бдительный тюремщик, проверяя, не прокусил ли я себе вены от безнадеги, не просочился ли сквозь решетку.

– Ей всего лишь десять, – вздохнул я. – А она уже знает, что такое рабский ошейник. Кстати, ты так и не нашел способ его снять?

Призрак помотал головой.

– Так я и думал. – Я оттянул ошейник двумя пальцами. Год назад ему было тесно на шее, теперь благодаря местной кухне он свободно прокручивался, и я практически не замечал королевскую игрушку. А игрушка эта стоила целой орды стражников. Даже больше. С последними я бы как-нибудь разобрался. С рабским ошейником – нет. Идеальный охранник.

– Мне пора, – наконец сказал призрак.

Я с грустным видом покивал – мол, понимаю, дела-дела, но надеюсь, ты еще прилетишь, или как ты там перемещаешься.

– Да хранят тебя небеса.

– И тебя, – торопливо проговорил я, изнывая от нетерпения увидеть, как он испарится.

Призрак сузил глаза и поглядел на стену, как будто увидел что-то сквозь нее. Чему лично я ничуть бы не удивился. Подозреваю, у него было еще много скрытых способностей, которые и не снились эленхаймским магам.

Он заколыхался, словно отражение в неспокойной воде, и наконец-то исчез, оставив меня наслаждаться счастливым одиночеством.

Я с облегчением вздохнул. Впервые мне хотелось избавиться от собеседника, и впервые было все равно, куда он упорхнул. Раньше даже упрашивал его остаться и постоянно думал, в какое загадочное место он направляется после моей темницы. Теперь было не до него. Оживленное приятной новостью сознание рисовало то чарующие прелести свободы, то скачущую во весь опор лошадь королевского гонца, то встречу с Лилей. Без картин крайне жестокой и кровавой расправы с некромагами тоже не обходилось.

Призрак исчез вовремя. Еще немного, и его бы заметил один из надзирателей, чьи башмаки только что простучали за дверью; он появился именно с той стороны, куда перед отбытием пялился старый друг. Совпадение или нет?

Я зевнул и, разминая мышцы, подошел к зарешеченному оконцу, чтобы немного глотнуть свежего воздуха. Никогда не понимал, зачем эту круглую дырку в стене пробили так высоко от пола, да еще и решетку установили. В нее не то что не пролезешь – кулак едва пройдет. Простой человек при всем желании не сбежит. Хотя, если провести тут лет пять, при такой-то кормежке…

Мысли о трапезе кипели куриным бульоном, шипели мясом, запекаемым в сыре, и пенились винно-пивным водопадом. Я ухватился за шершавые прутья и подтянулся, вдыхая свежий воздух.

По словам Блама, мне еще повезло. Тюремщик уверял, что в некоторых темницах не было даже дырки в стене. Ну а я при желании мог любоваться океаном, повиснув, как сейчас, на решетке. Она, кстати, была хоть и стара, но установлена, похоже, намертво; ни один из прутьев не дрогнул под тяжестью тела. Наверняка гномы ковали, а может быть, и к строительству тоже руки приложили – коридоры-то словно под их рост сделаны. Блам, как потомственный барарский тюремщик, сказывал, что в стародавние времена на месте Барара крепость стояла, а при его предке, Балламаре Хлысте, ее за ненадобностью в тюрьму перестроили.

Я глубоко вдохнул прохладный, наполненный влагой воздух и отпустил прутья решетки. На ладонях остались пятна ржавчины и мелкие ссадины, на шершавых прутьях – следы моей хватки.

Скука смертная. Время ползло черепахой; желудок привычно бурчал в ожидании скудного обеда; хотелось пить. Заняться, как обычно, было нечем, и я вернулся на лавку. Она заменяла и стул, и стол, и кровать. Ее сколотили в незапамятные времена, так что сидеть, и тем более лежать на ней было далеко не безопасно. Но выбирать в темнице было не из чего. Либо холодный каменный пол, покрытый пылью и мышиным дерьмом, либо узкая, по-простецки сколоченная лавка, которая не развалилась лишь потому, что я заботился о ней как о верном больном друге.

Оказывается, даже такое занятие, как уход за старой лавкой, в определенной ситуации может развеять скуку. Скажи кто-нибудь год назад, что я буду с радостью замазывать кинхасской смолой трещины на старой деревяшке и протирать ее соком прожорки, спасая от паразитов, счел бы его полным идиотом.

Лавка знакомо заскрипела. Я вытянулся на ней в полный рост, привычно сунул руки под голову и бездумно уставился в потолок, подсвеченный магическими огнями. Как светлячки, сбившиеся в стайку, они парили под ним в ожидании воли своего творца. Мне было достаточно покрутить пальцем, чтобы они закружились в танце, или, сложив ладони вместе, слепить из них огромный сияющий шар – получить персональное солнце. Но мне давным-давно надоели такие игры, так что я просто лежал и равнодушно смотрел на огоньки, как ребенок – на надоевшую игрушку.

По коридорам с шершавыми стенами гуляло эхо, гоняя знакомые звуки: позвякивали цепи, скрежетали ржавые механизмы замков, доносились приглушенные голоса, иногда крики – в общем, звучала привычная для Барара музыка. Музыка боли, страдания и отчаяния. Все было, как и вчера, как и позавчера, как и год назад, когда меня, Анхельма Антимага, заточили в тюрьму у южных границ Асготского королевства.

«…После пребывания на той стороне нужно отдыхать не меньше трех суток. По возвращении желательно омыться горячей водой с лепестками красной мухоедки и колючками кинхасса, чтобы улучшить кровообращение. В период отдыха для восстановления сил рекомендуется как можно больше есть мяса и рыбы. Также следует пить крепкое вино, дабы его пары уничтожали всякие потусторонние частицы…» – вспомнился отрывок из книги Джима Великолепного.

Сколько ни писалось предупреждений относительно частоты потусторонних путешествий, я, не удержавшись, опять решил прыгнуть. В этот раз не пришлось мучиться в раздумьях о конечном месте полета. Путь лежал на известный постоялый двор.

…Ладони превратились в ледышки, холод, взбираясь по рукам, настырно полз к плечам; дрема с минуты на минуту должна была обернуться крепким сном – свободой для каждого загробного путешественника. Далеко внизу бушевал океан, куда я готовился прыгнуть с высокого обрыва, созданного исключительно воображением. Оставалась самая малость до того, чтобы вновь устремиться в таверну Митрана, когда побитым псом заскулила дверь темницы.

Обрыв, поросший по моему желанию травой, превратился в зеленое пятнышко посреди голубого полотна океана, как если бы я прыгнул выше облаков. Нарушая все мыслимые правила возвращения, я резко разлепил тяжелые веки. И тут же увидел, как с неба на меня падает серый потолок. Будь руки не деревянными, я бы точно ими прикрылся. Выглядело натурально. Но то было первое последствие нарушенных правил потустороннего путешествия. Следом за «упавшим» потолком кровь яростно ударила в голову, заставив перепонки звенеть колокольчиками, а дырку в стене – раздвоиться.

Чему быть, того не миновать, мелькнула мысль перед тем, как я грохнулся с лавки лицом в пол.

Перед моими, наверное, безумными глазами замерли весьма знакомые башмаки – чуть почище барарского пола, стоптанные несколько веков назад и серые, как мышиная шерсть. Если Блам не загнал фамильную обувку кому-нибудь из надзирателей, то именно он приперся в темницу с утра пораньше. Как невовремя. Как невовремя.

Вновь проскулили двери, а через мгновение меня бесцеремонно схватили за шкирку, тряхнули как следует, словно пыльный коврик, и усадили на лавку. Блам склонился надо мной, заглядывая в лицо так, будто на нем выросли цветы. Он что-то сказал, но я не разобрал ни слова.

Горячая кровь постепенно оживляла руки. Я уже смог шевельнуть пальцем, когда Блам, предварительно почесав плешь, решил ускорить мое возвращение. Естественно, самым дешевым, легким и известным с седых времен способом. Объяснить заботливому тюремщику, что мое нынешнее состояние далеко от того, в котором оказываются знатные дамочки, заметившие кровь на теле верного воздыхателя, я пока не мог. А в череде звуков «ны», «ом» и «умм» даже лучший эленхаймский языковед вряд ли узнал бы простую человеческую фразу: «У меня не обморок».

Передо мной мелькнула железная фляга, и по лицу потекла прохладная вода. Как ни странно, помогло. Я прерывисто вдохнул, как вдыхают люди, едва не ставшие утопленниками.

– Ожил? – Блам тронул меня за плечо.

Я потряс головой, пошевелил руками и поводил языком от щеки до щеки. Все, что должно было двигаться, – двигалось.

– Вроде бы, – ответил я сипло. – Благодарю.

– Колдовал?

– Не без этого.

Вот уж оседлал загробного дракона, так оседлал. Ощущение такое, будто шлепнулся не с лавки, а с вершины барарской башни. Слизнув кончиком языка несколько капель с губ, я отер мокрое лицо ладонью. Пить по-прежнему хотелось, но вся вода ушла на мое оживление.

– Я что-нибудь говорил? – поинтересовался я, надеясь, что в бреду не выдал никакой тайны. – Или, может быть, кричал?

– Скорее мычал, – усмехнулся тюремщик, оживив сеточку морщин на худом лице. – Испугал ты меня. Я уже хотел к лекарю бежать.

Блам протянул мне длинную костлявую руку, предлагая покинуть лавку. Подняться я не рискнул. Была вероятность снова клюнуть носом пол; теплые ступни, казалось, щекочут сотни тонких пальчиков.

– Пока посижу, – сказал я.

Тюремщик осторожно опустился на лавку, уважая ее возраст, и сплел пальцы на животе. Только сейчас я заметил, что на тыльной стороне его ладони размазана кровь. А по шее тянутся глубокие царапины, сбегая под грязный ворот рубахи не пойми какого цвета.

– Твоя? Кровь?

Вместо ответа Блам отстегнул от ремня плеть и повертел ее перед собой. На ней темнели пятна крови, в шипах застряли клочки кожи.

Не хотелось бы попасть под горячую руку потомственного тюремщика. Кому-то очень не повезло. И кто-то очень ошибся, решив показать свой норов перед Бламом. Он мужик простой, к хрусту ребер и виду крови привыкший; если что не понравится, церемониться не будет.

– Никак новые узники прибыли?

– Угу, – подтвердил Блам, убирая плеть. – Один хуже другого. Видать, пока в клетке по дороге сюда тряслись, сговорились о побеге. Племяша моего чуть насмерть не задушили. Конокрады проклятые.

Определенно, кто-то из конокрадов не дотянет до казни, а кто-то не доживет до утра. Не сомневаюсь, плеть еще не раз попьет их кровушки. Поделом.

– Тебе, я вижу, тоже досталось.

– Ерунда, – отмахнулся Блам, ощупывая царапины на шее.

– Слушай, может залечить? У меня немного магии осталось. – Я усмехнулся: – На побег из Барара все равно не хватит.

Блам оценил шутку, но предложение об услуге словно не расслышал. Как и всякий простолюдин, тюремщик относился к колдунам с почтением и не без страха, поэтому и раздумывал, стоит ли доверять волшебному лечению. Несмотря на прочитанные мной лекции о сущности магии, ее классификации и принципах действия, он по-прежнему считал меня колдуном, к чьей породе я себя причислять никак не желал. «Как так не маг? – дивился Блам, размышляя вслух. – Огни создавал? – Создавал. Змеюку зеленую из рукава выпускал? – Выпускал. Волосы голубые? – Голубые, ни у кого таких нет. Жену мою от недуга избавлял? – Избавлял. В кости у меня выигрывал? – Выигрывал. Стало быть маг». Доказывать ему обратное было бессмысленно – все равно как убеждать гоблина в том, что звезды – не огромные светлячки, повисшие над миром. «И что – огни? И что – змеюка зеленая? – старался крушить я Бламовы доводы в его манере. – Выпитая чужая сила. Ты пиво пьешь? – пьешь. Так вот представь, что маг – это кружка с пивом, причем кружка волшебная, способная сама собой наполняться хмельным напитком. Я не способен ее наполнить, в моем теле не рождается магия, как у колдунов, но я могу легко осушить кружку, то есть забрать колдовские способности. А содержимое долго держать внутри себя. Значит, что получается? И огни, и змеюка зеленая – выпитая мной магия, рожденная в колдовском теле, но не моем. Почему волосы голубые? Так после пьянки что наступает? – Верно, похмелье. Куда же без него. Вот и необычный цвет волос – некоторые последствия выпитых магических даров. Ну а в кости мне просто везет. Думаешь, стал бы я намеренно обыгрывать тюремщика? Себе дороже».

Блам все еще раздумывал, сопоставляя мелким умишком все «за» и «против».

– Ну решился? – настаивал я. Практика перед освобождением не помешает. – И тебе хорошо, и мне польза.

– А, – махнул рукой Блам, – давай! Рубашку снимать?

– Не нужно, – покачал я головой.

Блам расправил плечи, положил ладони на колени, как ученик перед лектором, и застыл, словно с него собирались писать картину. Полные любопытства глаза уставились на меня.

Волнительно. Давненько не колдовал. Кажется, с тех самых пор, как подлечил ноги Бламовой женушке. Да и над кем тут колдовать-то? Только что над крысами или вот над тюремщиками. И магов, как назло, среди узников нет. Где силы восполнить? Ох, воля-волюшка. Ох, некромаги-некромаги. Спите спокойно. До поры до времени.

От прежнего могущества остался один пшик. Змейка, способная испугать разве что простолюдина, и дюжина безвредных огоньков. Ничего грандиозного и смертельного. Но все равно очень волнительно. Прямо мурашки по коже. Чувствую себя стрелком, чьи ловкие пальцы вечность не натягивали тетиву. Митран, цепляя сегодня запыленный меч, наверняка ощущал нечто подобное. Подлец.

– Скоро? – прошептал Блам, будто перед ним свершалось таинство таинств.

Отчасти так и было, если примерить на себя разум надзирателя.

– Скоро-скоро, – улыбнулся я, разглядывая собственную ладонь. – Ты не волнуйся.

Еще неизвестно, кто из нас двоих больше волнуется. Может, попросить его закрыть глаза, чтобы легче было раны латать? Вдруг дернется с перепуга, а обжечь его как-то не хочется. Нет, Блам мужик справедливый. Но мало ли что? Плеть-то у него – зависть тюремщика; из кожи огненного вепря плетенная, острыми да ядовитыми шипами покрытая. С такой и в бой идти не страшно.

Я размял пальцы, точно музыкант перед игрой на гуслях. Какой огонек потратить? На воле им – медяк цена. Тут – освещение. Блам нет-нет, да и поблагодарит за огонек, подаренный год назад. Или домашней кухней побалует.

Жена у него печет – дай небожители каждому.

Огоньки были одинаковые. Как на подбор – все яркие, каждый размером со сливу. Словно выстроенные на параде солдаты королевского полка. Не к чему придраться. Придется ткнуть пальцем в небо.

И я ткнул. Увы и ах, не в небо, а в надоевший до демонов потолок. Огни желтыми канарейками полетели вниз, оставляя за собой тающие на глазах следы и бросая на унылые стены пятна света – почти незаметные в дневное время.

Блам ахнул. Для него, прожившего в таком захолустье с рождения, летящие сгустки света представляли настоящее чудо. Эх, не видел он, как я, полный сил, бился в лесной глуши с колдуном по имени Грум Зверь. Куда этим тюремным огонькам! Там деревья столетние летели во все стороны да выше леса. Добрая была битва, добрая. Грум не зря получил свое прозвище, и проще вспомнить тех, в кого он не превращался, желая уничтожить меня, нежели перечислять все воплощения старого колдуна. На месте нашей схватки, наверное, по-прежнему ничего не растет.

От Грума не осталось даже посоха, только та самая зеленая змеюка – создание страшное, но жалкое и совершенно безобидное, как гоблин. Оживленная воспоминанием о былых временах, она нежданно-негаданно подняла плоскую изумрудно-зеленую башку о шести рогах над моей ладонью и с шипением просверлила выпученными гляделками застывшего на лавке Блама.

«Пошла прочь! – мысленно приказал я, и она исчезла. – И не высовывайся».

– Скоро? – В голосе тюремщика появился страх.

– Почти готово.

Огни ярко-желтой стайкой кружились вокруг ладони, ожидая моего решения. Я коснулся одного из них указательным пальцем, пощекотал и представил, как сгусток теплого света исчезает. Огонек, кружась вихрем, вытянулся, а затем вкрутился в палец, приняв его форму и подсвечивая изнутри. Издали, да еще при местном освещении, могло, наверное, показаться, что палец горит самым настоящим образом.

Я махнул рукой, отправляя сгустки света обратно под потолок. К «ритуалу» все было готово. Ладонь заметно потеплела, как если бы я держал ее над костром. Блам сидел мышью, и, казалось, даже не дышал. Терпению тюремщика можно было позавидовать. Хотя злоупотреблять им, терпением, не стоило.

По сути, я собирался сделать с его царапинами и ссадинами то, что делают бывалые вояки с ранами, когда прижигают их раскаленным мечом. С той лишь разницей, что вместо куска горячего металла был сияющий янтарем указательный палец.

Избавление от мелких ран сравнимо с работой ювелира. Лично мне всегда было проще сжечь представителя колдовского племени, нежели убрать порезы и ссадины с собственного тела. По слухам, некоторые легендарные знахари – такие, как Дар Святой – даже не касались ран, используя лечение светом. Я от подобного мастерства был далек. Да и никогда не стремился к таким высотам. Лечение, как обычное, так и магическое, – занятие на редкость скучное и утомительное.

Просить Блама немного отогнуть воротник не пришлось. Я лишь склонился над тюремщиком, прикидывая, с какой ссадины начать, и он тут же ухватился за край ворота, оттягивая его до треска ткани. Блам был напряжен так, будто над ним склонился голодный тролль, размышляющий, стоит ли жрать этого старого, костлявого, потного человека или поискать кого-нибудь помясистее да посвежее.

– Расслабься, – посоветовал я, и тюремщик еле заметно кивнул. Совету, конечно, он следовать не собирался. – Шею будет жечь и пощипывать, – на всякий случай предупредил я, покручивая указательным пальцем.

Магия должна разойтись равномерно. Иначе нельзя. В противном случае обжечь чужую кожу – раз плюнуть. Ну может быть, два.

Некоторые царапины были глубокими. Тот, кто их оставил, не стриг ногти несколько месяцев. Будто когтями полоснули. Только бы Блам не дернулся от волнения, его в нем больше, чем магии в колдуне.

Тюремщик не шевельнулся от прикосновения. Я временно прогнал мысли о дочери, постарался также отгородиться от тюремных звуков и сосредоточился

на ранах; самого Блама я тоже не видел. Только его длинная шея, царапины на ней и мой указательный палец, пускающий тонкую струйку света, как носик сосуда – вино…

Золотистый ручеек света тек по бороздке царапины ровно, безошибочно повторяя ее изгибы. Лишь вначале я переборщил, затопив светом чуть больше места, чем требовалось. Как говорится, мастерство не пропьешь.

После первой обработанной царапины – теперь на ее месте лежал лишь розовый след – лечение пошло быстрее. Магия разошлась верно, поэтому текла тонким, как иголка, ручейком. На месте ссадин и царапин оставались гладкие розовые полоски, многие из которых таяли на глазах. Все это время Блам молча терпел отнюдь не безболезненное лечение, сидел не шелохнувшись, и бежать подальше от знахаря не собирался, хотя подобные мыслишки определенно порхали в его голове. В общем, держался молодцом. По себе знаю, как сейчас жжет кожу, – будто крапивой хлестнули. Не говоря уже о нестерпимом зуде.

– Ну вот, готово! – Я отступил от него на шаг, любуясь справной работой – гладкой шеей, где угасала краснота. – Можешь оценить.

Тюремщик осторожно коснулся кожи. Первому впечатлению он не поверил, и его грубые пальцы, совсем недавно лежащие на злой плетке, бережно и тщательно принялись ощупывать шею в поисках царапин.

Наконец он, довольный и пораженный до глубины души, расплылся в улыбке, показывая нестройные ряды желтых зубов. Будь на месте тюремщика дворянин, я бы сейчас выслушивал изысканные слова благодарности.

– Ну-у-у, – протянул Блам, медленно разводя руками, – с меня причитается.

С его стороны то была наивысшая похвала, какую он мог произнести. Нечто похожее я услышал, когда загнал огонек в его ручной фонарь вместо масла. Тогда, помнится, тюремщик накормил меня до отвала. Что он предложит теперь?

Блам повертел головой до хруста шейных позвонков. На миг замер, словно прислушиваясь к тюремным звукам, и вдруг хлопнул себя в лоб ладонью.

– Ой, горшок дырявый, – проворчал он, выдергивая края рубахи из штанов. – Я ж к тебе по делу шел.

Неужто «дырявый горшок» забыл сообщить о королевском гонце?

Нет, рано я радовался. Блам посетил меня совсем по иной причине. Если, конечно, королю не взбрело в голову писать приказы об освобождении в виде книг в кожаном переплете, страниц эдак на сто. А именно такая книжица мокла под рубахой потного тюремщика, прижатая толстым ремнем к животу.

Он бережно отер ее рукавом и протянул мне.

– Вот, – сказал он возбужденно и добавил с гордостью: – Мой старшой написал.

Книгу я взял, не отказывать же тюремщику. Но открывать опасался. Неизвестно, что скрывалось под обложкой. Помимо черных закорючек букв там вполне могло томиться смертельное заклинание; откроешь такую – и не доживешь до освобождения. Бламу-то я доверял. А вот его старшего сына в глаза не видел. Вдруг он был магом, который жаждал моей гибели. Или простолюдином, нанятым моими недоброжелателями.

– И что мне с ней делать? – спросил я, прощупывая ее на наличие магии. Той вроде бы не было. Но отсутствие заклинания совсем не гарантировало безопасного чтения. Страницы можно пропитать ядом без запаха и цвета.

– Так это… – слова вязли у тюремщика на языке, – показать кому-нибудь из… – Он стрельнул глазами в потолок.

– Из небожителей, что ли? – пошутил я, понимая, на кого в действительности указывал внезапно помрачневший тюремщик. Предложение выглядело, мягко сказать, странным. Нет, Блам умишком небогат, но не настолько, чтобы не понимать, где я нахожусь. – Понял, понял, – успокоил его я. – А зачем?

– Так он у меня писарем хочет стать. Старшой-то. А я в этом, – тюремщик кивнул на книжку, – как в колдовстве.

Конечно, как в колдовстве. Чтобы в этом понимать, надо хотя бы уметь читать.

– Ты понимаешь, что я гнию в твоей тюрьме? – прямо спросил я. – Или опять о чем-то запамятовал?

Он запамятовал. Но в этот раз не стал обзывать себя «горшком дырявым», ограничившись легким шлепком по лбу.

– Вчера вечером почтарь прилетел. С сообщением. От короля, – сказал тюремщик. – Мол, завтра встречайте гонца. То есть, получается, сегодня.

Я ждал, когда он это скажет. И он наконец-то сказал:

– По твою душу. Вот. С указанием тебя помыть, одеть и накормить.

Нет, ты не горшок дырявый, а самое настоящее сито. Столько молчать! Видимо, эту мысль он легко прочел на моем озадаченном лице.

– Я уже к тебе собирался, а тут… – он поднялся, плюнул в угол и махнул рукой. – То побег, то ты с лавки падаешь да мычишь. Одно на другое. – Он немного постоял, глядя на мои руки, сжимающие писанину его отпрыска. – А ты книгу-то им покажи, – он замялся. Видно было, что ему неудобно лишний раз просить за сына. – Может, и вправду заприметят сынка. Я ее для такого случая и берег.

Я кивнул. Не переживай. Эх, вина бы сейчас да трубочку, чтобы гонца было ждать не так томительно.

– Скажи только, ты листал ее перед тем, как мне принести?

– Случалось. А что-то не так?

– Напротив, теперь все как надо.

Он с недоумением посмотрел на меня. Спросил:

– Может, нужно чего? – Тюремщик читал мои мысли. – Все-таки последний день у нас. Да и за лечение… – сказал он уже в дверях. – Ты только скажи.

– Поесть бы настоящей стряпни да попить бы вина, – улыбнулся я. – Чего еще может желать узник?

Блам хлопнул глазами и закрыл дверь. А я подпрыгнул так высоко, что едва не коснулся потолка. После чего вцепился в прутья оконной решетки, не желая их отпускать. Наверное, от радости я бы еще и сплясал, если бы умел.

Там, за старой решеткой, меня ждала красавица-дева по имени Свобода. Ее глаза были цвета ясного неба, ее чарующий голос тихо шумел океанскими волнами, а дыхание пьянило крепче всякого вина. Она манила, очаровывала, завораживала. Хотелось ее обнять, прижать к себе крепко-крепко и не отпускать. Никогда.

Темница как будто стала меньше; воздух, казалось, наполнился таким смрадом, словно за дверью лежал и разлагался орочий труп.

– Я иду к тебе! – кричал я красавице-деве и висел на прутьях, покуда в руках не иссякли силы. – Я иду!..

Каждый миг ожидания был подобен пытке. Побродив некоторое время из угла в угол, я прилег на лавку и, чтобы хоть как-то себя развлечь, решил почитать доверенную книгу. На первой странице красивым почерком было написано: «История крепости Барар от времен основания до наших дней». Ну посмотрим, что там написал Бламский отпрыск?..

Книга отпрыска оказалась небезынтересной. Нет, в ней не страдали красавицы, бесконечно льющие слезы по узникам, не текли реки крови во время пыток, не катились головы, отрубленные барарскими палачами, и не извивались в предсмертной агонии мученики на кольях, но во время чтения зевать не пришлось. Несмотря на направленность книги, читать ее было легко и приятно, в отличие от многих и многих исторических многотомных трудов, сочиненных известными асготскими писаками. Бламский сын, сумевший раскопать интересные подробности о старой тюрьме, охотно делился ими с читателями, стараясь избегать нудных исторических характеристик. Надо признать, очень часто ему это удавалось.

Оказывается, верхняя часть крепости когда-то считалась самой благоустроенной тюрьмой в Эленхайме, и попасть сюда простолюдину было так же сложно, как

гоблину – на прием к асготскому королю; ну а если такое случалось, узник из народа благодарил всех небожителей за непомерное счастье. Здесь, на верхних этажах, томились в темницах представители благородных кровей, известные маги и прославленные воины. Кроме того, если верить автору «Истории…», давным-давно именно в Бараре томился один из Близнецов – безобидный урод, способный исцелять людей от смертельных недугов, он же Сосуд, подобный Лиле. И, конечно, одно из самых загадочных существ в Эленхайме. По каким-то неясным причинам Близнец был заперт сюда сыном наместника этих земель, а позже выслан в неизвестном направлении. А сторожить урода довелось далекому предку автора – Балламару Хлысту, о котором Блам мне все уши прожужжал.

Хоть бы одним глазком взглянуть на этих легендарных Близнецов. Это сколько же им сейчас лет получается, если они были рождены во времена правления Валлара?.. Умели-умели тогда маги истинные чудеса творить, не то что нынче: огонек бросил в воздух, и народ уже испускает восторженное «О-о-о!».

Некоторое время спустя Блам, как и обещал, притащил мне кое-какой снеди и немного вина. Естественно, не преминул узнать о качестве произведения и, получив благоприятный отзыв, удалился в добром расположения духа и переполненный гордостью.

После каждодневного употребления серо-белой похлебки, которую пугливо облетали мухи, кусок грибного пирога показался вершиной поварского искусства. А вот вино было, мягко говоря, не очень; даже в моем бедственном положении, когда и вода – в радость, пить бело-красную жидкость приходилось через губу. Не то Блам его разбавил, – в чем я очень сомневался, не то за него это сделал торговец, которого следовало бы заставить самого пить эту дрянь. Не прошло и трех минут, как от пирога остался только пьянящий запах, да и он совсем скоро растворился в бессмертной вони барарской темницы.

Через пару часов Блам вернулся, чтобы проследить за соблюдением других королевских указаний. Тюремщик знал, что рабский ошейник не позволит покинуть пределы темницы, и предусмотрительно привел с собой цирюльника и знахаря. Кроме того, приказал стражникам, как и прежде, прикатить на тележке бадью с горячей водой.

В одной руке Блам держал мои черные, аккуратно свернутые одежды, от которых пахло свежестью, в другой – серые остроносые невысокие сапоги,

сияющие чистотой. Добрые сапоги – легкие и прочные; благодаря череде мелких дырочек в них не жарко даже летом.

Тюремщик кивнул стражникам, а сам, поставив сапоги, разложил мои скромные одежды: тонкую рубаху с короткими рукавами и просторные штаны с карманами.

Как только бадью установили на пол, я скинул жесткую, дурно пахнущую хламиду, забросил ее в угол и с превеликим удовольствием залез в горячую воду. От блаженства на миг прикрыл глаза.

– Помыть, побрить и подстричь, – приказал Блам и, вынув из кармана сероватый кусочек шорка, протянул его мне. – Ты про просьбу-то мою…

– Не волнуйся. Добра не забываю, – успокоил его я, и он покинул темницу, оставив меня на милость седовласого цирюльника и рыжебородого знахаря.

Чудесно. Я провел ладонью по гладко выбритому подбородку, вдохнул запах свежей рубахи и опустился на лавку, чувствуя, как чистые длинные волосы щекочут шею. Посмотрел в окно: темнело. Царица-ночь загоняла жителей в дома, красила барарские земли в серые цвета и готовилась бросить в небо щедрую горсть голубых холодных огней. К этому времени я уже дочитал книгу, успел сосчитать количество камней во всех стенах, а также количество трещин на потолке, и от безделья и мук ожидания готов был перегрызть прутья решетки и завыть волком.

Гонец прибыл поздним вечером. И стоило его почуять, как отодрать меня от дверной решетки не смогла бы, наверное, вся королевская армия. Я прилип к ней, словно голодная пиявка к коже, с наслаждением всасывая незнакомые звуки.

В глубине тюрьмы слышались позвякивание кольчужки и твердые шаги. Не нужно было быть пророком, чтобы понять, кто бодро шагал по древним барарским коридорам и так же бодро ступал по старым ступеням многочисленных лестниц. Достаточно было уметь размышлять и обладать

хорошим слухом. Ко мне, на последний этаж, взбирался явно не тюремщик.

За год, проведенный тут в тоске, тревоге и безделье, я научился читать звуки почти как текст. И ни разу не слышал подобных. Кто сидит в Бараре? Смутьяны, насильники, убийцы и конокрады – одним словом, смертники, которых решили помучить перед тем, как вздернуть; те, по чью душу никогда не прискачет королевский гонец с приказом о помиловании. Выходит, и нечего ему тут делать, кроме как меня освобождать.

Летом тюремщики никогда не носят доспехи – попробуй в них день за днем, ночь за ночью походить-побродить мимо нагретых солнцем барарских камней. Тут и без того от жары можно сойти с ума, тем более, когда рядом шумит океан, а поплескаться в нем – не судьба. Да и в другое время года доспехи тоже ни к чему: подниматься в них раз за разом по высоким барарским лестницам, наверное, пытка. Они, тюремщики, и так ползают по коридору полудохлыми мухами, и чеканить им шаг незачем, в отличие от бравого королевского гонца.

Была, правда, еще одна немаловажная деталь, бросившая меня к дверной решетке. Прежде чем слух принялись ласкать звуки бодрой и звонкой ходьбы, я почувствовал каплю магии. Едва уловимую, летящую светлячком в ночи. И… подобную той, что таилась в рабском ошейнике, который, как я ни пытался, так и не смог лишить магических свойств. Странно: я мог вытянуть магию из любого колдуна, мог поглотить любое заклинание, но почему-то ни магические ошейники, ни магические амулеты не давались мне, хотя, в сущности, в них сверкала та же магия, что и в колдовских телах. Впрочем, насколько я знал, и сами маги не могли снимать рабские ошейники.

Готов поклясться свободой, на пальце гонца блестел колдовской перстенек Подчинения. И этот гонец мог легко заставить меня броситься в пропасть или прыгнуть на меч. Примерно для этих целей ошейник в придачу с перстнем частенько и использовали. В основном представители знати, желающие решить проблемы без войны и шумихи. Надел такой ошейник на неугодного, но влиятельного человека, дал ему перо и лист – мол, так и так, пиши, что отрекаешься от наследства, и попробуй докажи, что не твоя подпись чернеет на бумаге. Или сразу отправил несчастного к океану – остальное доделают рыбы.

Расстояние между мной и источником магии сокращалось. По Барару как будто несли горячее блюдо, исходящее запахами, которые в местном смраде различал мой чуткий нос. Не глядя на огни, я махнул рукой, и через миг они желтыми

корабликами плавали за дверной решеткой, освещая коридор.

Свершилось! Долгожданный королевский гонец добрался до темницы, чьи стены давно лежали на моих плечах неподъемным грузом, гнули меня, пытались раздавить, заставляли кружиться загнанным в клетку зверем и бросаться то к окошку, то к двери. Год, целый год томления.

Гонец смерил меня взглядом, подошел ближе, не обращая внимания на магические огни в коридоре, и вновь осмотрел меня с головы до ног.

Не уважает меня Арцис, не уважает: прислал юнца, да и еще и природой обиженного.

Гонец был чуть моложе меня – от силы лет двадцати пяти; примерно на голову ниже, рядом с высоким Бламом и вовсе смотрелся коротышкой. Был он худ и бледен. Волосы его – черные, редкие, прямые, до плеч – явно знали недавно руки искусного цирюльника, ибо лежали волосок к волоску и были острижены до неприличия ровно. Под острым носом двумя тонкими полосками темнели усы. На мир гонец смотрел темно-серыми, почти черными хитрыми глазками и, судя по всему, каждодневно выливал на себя не меньше флакона эльфийских духов; даже вековечный барарский смрад не устоял перед немыслимым сочетанием ароматов и ненадолго отступил, оставив темницу и часть коридора на милость врагу. На незнакомце болталась светлая голубая накидка до колен, из-под нее у горла выбивалась кольчужка; накидку у пояса стягивал тонкий светлый поясок, не отяжеленный ничем, кроме серебристых нитей замысловатого узора, а кольчуга, кованная наверняка гномами, поблескивала синим. Гонец то и дело дышал сквозь белый кружевной платок, стараясь оградить нос от местного смрада – да, тут тебе не цветочная лавка.

– Открывай, – приказал гонец, и Блам, замученный быстрым подъемом на последний этаж, поставил фонарь, где весело горел огонек. А затем робко шагнул к двери, судорожно перебирая ключи. – Чего медлишь? – бросили ему в спину.

От человека, потратившего немало времени на изучение моей скромной персоны, подобный упрек звучал неожиданно. Казалось, старый тюремщик от страха перед знатным гостем сейчас грохнется в обморок; пальцы подрагивали,

как у пьянчужки, пот со лба катился без остановки. Надо будет проучить этого юного модника. За неуважение к Бламовым сединам.

Блам не сразу попал ключом в скважину замка, да и когда попал, не сразу его открыл – наверное, от волнения позабыв, что на дверь предварительно необходимо навалиться и чуть приподнять. Гонец, как ни странно, выдержал ненужную потерю времени стойко; лишь недовольно вздохнул, когда Блам потянул засов.

Дверь наконец-то распахнулась, я схватил книгу с лавки, подбодрив тем самым перепуганного тюремщика, и застыл у порога, дожидаясь действий гонца. Он протянул руку и, не снимая перстня, вставил его в ямочку на ошейнике. Тот мелко задрожал, почуяв хозяина. А возможно, уже приветствовал его. По слухам, рабские ошейники ковались из того же металла, что и поющие мечи, способные, как известно, передавать свои мысли владельцу. По сути дела общаться с хозяином, если тот держит его в руке.

– Дуана-Рона! – воскликнул гонец. Как и всякий поющий меч, рабский ошейник тоже носил имя. – Я, хозяин ошейника, повелеваю тебе, Онду-Гур, – обратился он ко мне, назвав на колдовском языке не то пленником, не то рабом, – следовать за мной! – Видимо, ошейник был глуховат, гонец практически орал. – Если ты вздумаешь бежать, пусть сила ошейника покарает тебя! Если ты решишь причинить мне вред, пусть сила ошейника покарает тебя! Если ты дотронешься до перстня Подчинения, пусть сила ошейника покарает тебя! – напомнил он мне.

Глуховатый ошейник перестал подрагивать, и я выскочил в коридор, встав в двух шагах от мрачного гонца. Поглядим, как ему понравится моя змейка!

Я вытянул руку вперед, призвал змею и увидел, как ее плоская полупрозрачная башка взметнулась над ладонью.

Сто тысяч демонов! Гонец даже глазом не моргнул, словно каждый день из рук его близких и родных выскакивали с шипением рогатые магические змеи. Зато ахнул Блам. Нет, не от вида зеленой змеюки, как он ее называл, а от моей наглой выходки. В его голове никак не укладывалось: как это так можно обращаться с КОРОЛЕВСКИМИ гонцами?

А гонец-то не так прост, как кажется.

– Меня предупреждали, что ты большой шутник, – спокойно сказал гонец и, согнув указательный палец, почесал змеюку чуть ниже головы. – Очаровательное создание, – заключил он и выдернул книжку из моих рук. Полистал недолго, вернул ее и недобро покосился на тюремщика: – Разве узникам позволено читать?

Блам ничего не ответил. Где там! Под таким-то хмурым взглядом королевского гонца. Не до ответа было; от страха он, наверное, и собственное имя забыл.

– Нужно будет об этом доложить. – Фраза прозвучал для Блама почти смертным приговором. Он стремительно побледнел, понурился и, нагнувшись, неловко поднял фонарь. – Идем. Мы и так тут задержались, – сказал гонец сквозь расчудесный кружевной платок.

– Одно мгновение, – вскинул я указательный палец.

– Что еще? – Гонец коснулся перстня – дескать, не забывай, кто тут главный.

Я не забывал. Просто не хотелось оставлять огни. Вдруг пригодятся. Они поняли приказ и желтыми утятами начали нырять в мой открытый рот. Для пущего эффекта я делал вид, что глотаю их, словно плохо прожеванные куски пищи.

– Да-а, – зевнул гонец, – впечатляет.

Исчезающие во мне сгустки света поразили его так же, как магическая змея. То есть никак. Сразу видно: гонец видывал чудеса и поинтереснее.

Когда последний желтый шарик скатился мне в горло, Блам поднял фонарь и с грустью посмотрел на порхающий в нем огонек.

– Оставь себе, – сказал я, стараясь поддержать опечаленного тюремщика. – Теперь можем идти.

И мы пошли. Молча. В сопровождении желтых пятен света и пляшущих теней. Блам – впереди, освещая нам путь. Я за ним, чуть не вприпрыжку. Следом за мной – гонец, побрякивая кольчужкой.

Я надеялся, что в последний раз вижу эти тошнотворные каменные стены, этот неровный пол, загаженный крысами, эти побитые рожи за дверными решетками. Надеялся, что в последний раз слышу, как стонут измученные узники за стенами, как цепляются когтями за старые камни крысы, как скулят двери и ворчат ржавые засовы и замки. Надеялся, что больше никогда не буду вдыхать этот отвратительный воздух. Наконец, наделся, что из Барара меня не повезут в другую тюрьму; куда угодно, хоть за Шестигорбую змею, только – о небожители! – не в тюрьму. Конечно, еще я надеялся, что за пределами бывшей крепости с меня тотчас снимут рабский ошейник и отпустят на все четыре стороны, но надежда эта была сродни той, какой себя тешит висельник в тот момент, когда на его шее уже затягивается петля.

Как только за спиной остались обитые железом центральные двери, которые отгородили меня от надоевших звуков и запахов, я остолбенел. Никогда не думал, что буду так искренне восхищаться ночным звездным небом. После темницы размером чуть больше гроба распахнувшаяся округа, пусть даже унылая, поражала почище любого магического представления.

Я вдохнул, набирая полные легкие свежего воздуха, упиваясь им, как прекрасным вином, и не желая выпускать.

– Нам туда, – сказал милосердный гонец. Он дал мне немного времени насладиться прелестями свободы – теми мелочами, которым никогда не будешь радоваться, пока тебя не запрут в темницу с дыркой вместо окошка.

Я кивнул Бламу в знак признательности. И сделал первый шаг с тех пор, как за спиной закрылись тюремные двери. Ноги понесли меня вперед легко и быстро, как если бы к сапогам приделали крылья.

За воротами нас дожидался экипаж – шестерка черных толстоногих лошадей, запряженных в карету. Последняя выглядела не дорогой, зато по размерам превосходила все виданные прежде, уступая разве что доброй избе. Карета сидела на мощных колесах, в чьи ободья легко пролез бы толстый тролль; окна были наглухо забиты железными листами, густо иссеченными мелкими охранительными рунами; наверху по краям она щетинилась пиками длиной в два локтя, там же стоял лучник, поглядывая по сторонам. Еще двое, помимо возницы, расположились на козлах.

Гонец открыл дверь и жестом пригласил меня. Отказываться было страшно, и я, окинув прощальным взглядом тюрьму, чтоб она рухнула, поставил сапог на высокую подножку.

Глава 3

Дорогой неизвестности

Представители знати и купцы наверняка не поскупились бы на золото, чтобы заполучить такую карету – просторную, как дом, и безопасную, как крепость. Обитая сталью крыша лежала на толстых стенках так высоко, что между ней и моей макушкой оставалось еще локтя два; низкорослый гонец мог и вовсе прыгать здесь без опасения набить шишку на темени. С потолка свисал стеклянный шар яркого масляного фонаря. На дверях громоздились мощные засовы. Широкие и длинные сиденья с высокими спинками были обшиты серебристо-серой шкурой неизвестного зверя. Между сиденьями белел скатеркой круглый столик. Под ногами лежал узорчатый коврик.

Я с удовольствием опустился на чудесный мех. Он был мягким на ощупь, не оставлял на ладони ни шерстинки, а стоило его придавить, распрямлял ворс магически быстро, как пружина. Не то мех обладал чудодейственными свойствами, не то я слишком привык к старой жесткой лавке, но подниматься совсем не хотелось.

Гонец задвинул засов. Вытянул руку до потолка и, ухватившись за клыковидный рычажок, опустил его. С тихим щелчком над дверью стройными рядами выстроились щели толщиной и длиной в человеческий палец. Похоже, создатели чудо-кареты предусмотрели все. В такие щели никакая стрела не влетит, зато будет проникать столь необходимый в этом стальном сундуке воздух.

– Стукни там им, – вежливо попросил гонец, усаживаясь на противоположное сиденье, и добавил: – Трижды.

Я постучал и услышал, как по конским бокам прошелестели вожжи; фонарь под потолком слегка закачался, оживляя тени; застучали копыта; по ночному небу

медленно поплыли звезды.

Наступило время задавать вопросы, которых накопилось немало. Когда меня отпустят? И отпустят ли вообще? Куда мы едем? И долго ли будем трястись в карете? Наконец, за каким демоном меня вытащили из Барара?

Гонец понюхал накидку – и поморщился, точно от нее несло псиной. Он сильно изменился после того, как тяжелая дверь отгородила нас от остального мира. Причем в лучшую сторону. От прежнего холодного и высокомерного взгляда не осталось и следа, из голоса исчезли строгость и угроза.

– Уж не знаю, что хуже: барарская вонь или запах эльфийских духов, – хохотнул он и с нескрываемым отвращением стянул с себя накидку, а потом и кольчужку. – Из чего они их только делают? Все тело провоняло. – Он втянул носом воздух и, скомкав чистую накидку, сунул ее под левую откидную часть сиденья. Вскоре туда отправилась и кольчуга, в отличие от накидки, аккуратно сложенная.

Так-так… Гонец нисколько не ценил труд эльфийских парфюмеров, зато к кольчуге относился с куда большим уважением, чем к предметам гардероба. Кем гонец был на самом деле?..

Ответ находился на его плече, где, широко распахнув белые крылья и разинув золотистый клюв, летел красноглазый грифон. Незакрашенным оставалось лишь туловище зверя. Татуировка выдавала в гонце агента его величества, да и ее цвета кое о чем говорили. Не помню, что значил каждый из них, но точно знаю, что их количеством мог похвастаться редкий агент.

Итак, передо мной, закинув ногу на ногу, сидел человек, способный убивать голыми руками, знакомый со всеми мыслимыми видами оружия и имеющий такую власть, какая не снилась многим наместникам. А по виду и не скажешь – бледненький, щупленький, едва ли не гномьего роста. Зря я упрекал Арциса: король приставил ко мне кого нужно – своего агента, да еще и с опытом.

– Пронт, – представился гонец, предварительно взлохматив волосы, и протянул руку. – Свое имя можешь не называть. – Уголки его тонких губ слегка дернулись вверх.

Я пожал его ладонь. Она оказалась потной и холодной, хотя в карете было тепло, как у пылающего очага. Странно: не верю, что Пронт боялся меня или тревожился за судьбу задания. Нервы у него были железные; даже бровью не повел при виде магической змеи. Тут было что-то иное.

– Просто Пронт? – спросил я ехидно.

– Просто Пронт, – с той же издевкой ответил он. – А что?

– Ну… твоя татуировка.

Он с недоумением поглядел на грифона:

– А что с моей татуировкой? Вроде никуда не улетела.

– Ты – агент его величества.

– Не любишь агентов?

– Да нет. С чего бы мне их не любить, – нахмурился я. – Никогда не понимал, зачем вас метить. По ней же любой дурак агента распознает.

– Во-первых, не любой. Во-вторых, я же не голышом на задания хожу. В-третьих, грифон не раз меня выручал. Ты ведь знаешь, что полагается всего лишь за оскорбление агента его величества? Так что лучше с татуировкой, чем без нее.

Я кивнул.

– Интересная у тебя карета. Прямо дом на колесах.

– А то, – согласился агент и с гордостью добавил: – Королевская.

– Хочешь сказать, на ней сам Арцис ездил?

– Да что там ездил! – воскликнул он. – Исколесил полмира.

– Ну а мы куда колесим?

– В свое время узнаешь. И куда, и зачем. Все узнаешь. А пока, извини, сказать не могу. Сам понимаешь, служба.

– Ну хоть в какую сторону света мы едем? Это ты можешь сказать? – поинтересовался я с надеждой.

– А тебе не все ли равно?

Я промолчал. Мне было не все равно. Где-то там, по северо-западным дорогам, летела карета, унося с собой мою дочь – несчастную, испуганную, измученную и накачанную магией до предела. И от того, куда – на юг или север, на запад или восток – мы ехали, отчасти зависела ее судьба. Зависело то, как быстро я сумею добраться до Желтых гор, чтобы высвободить Лилю из-под власти мерзких ублюдков.

Нет, придержи-ка мысли о дочери! Они могут разрушить твои планы. Сделать тебя уязвимым для врагов. Поэтому спрячь их глубоко-глубоко, чтобы ни один мыслечтец не нашел. Забудь на время о дочери! Да, жестоко. Да, мучительно. Да, бесчеловечно. Но пока ничего не прояснилось, лучше не забивать ими голову, а то можно снова очутиться в тюрьме, и тогда некому будет спасать дочь. Наблюдай, изучай, узнавай – вот твое задание на ближайшее время.

– Чего загрустил? – спросил Пронт. – На твоем месте я бы прыгал от радости. Не к каждому король так благосклонен.

Ничего себе благосклонность. Ошейник надел как на собаку, запер на целый год в Барар, да еще неизвестно, что сейчас придумал.

– Может, вина? – подмигнул Пронт. – Поди, в тюрьме-то не баловали. Чай, и грусть разгонит.

Теперь он приподнял правую часть сиденья и не глядя запустил в него руку. Оттуда повеяло холодком, и я в очередной раз мысленно похвалил создателей кареты. Тут были не только столик, фонарь и удобные сиденья, но и волшебный погребок, где даже в жару напитки оставались прохладными.

Пронт поставил на столик запотевшую бутыль, два железных кубка и глубокую чашу с фруктами. Ни один из кубков даже и не думал падать, несмотря на то, что мы ехали в карете. То есть по идее должны были трястись и подпрыгивать на разбитых дорогах барарских земель. Но то ли возница собаку съел в своем деле, то ли творцы этой чудесной кареты каким-то образом смягчили привычные тяготы поездки, то ли разбитые барарские дороги выровняли и выложили заново, что вряд ли.

– Эта штука мне нравится больше всего, – признался Пронт, похлопывая сиденье. – Гномы делали, как, впрочем, и это, – покосился он на бутыль.

Агент его величества откупорил бутылку и, разлив напиток гномьих виноделен, начал с серьезным видом нюхать пробку. А я просто поднял кубок, с нетерпением дожидаясь, когда агент закончит наслаждаться кисло-сладким запахом.

Наконец-то наши кубки звонко соприкоснулись.

– За удачу! – произнес он.

– За удачу, – повторил я, размышляя, в каком деле она может понадобиться.

Ухх! Я сделал робкий глоток. От бламского пойла это вино отличалось так же, как телега – от нашей кареты. Не только по вкусу и запаху, но и по крепости. Два кубка такого вина сбили бы с ног любого громилу. Я не осушил и одного, а уже начал хмелеть.

– К чему весь этот маскарад? – спросил я, оставляя недопитый кубок.

– Ты о чем? – не понял Пронт.

– Ну в тюрьме ты выглядел как напыщенный пузырь, чуть не лопнул от важности, – пояснил я. – Теперь совсем другой человек.

– А-а-а, – протянул агент и, сделав очередной глоток, поставил уже пустой кубок на стол. – Приходится иногда изображать из себя и напыщенных пузырей, и простых мужиков, и тупых вояк. Пусть в Бараре думают, что с тобой в карете

едет всего лишь дворянин, не способный как следует махнуть мечом.

– Кто – думают?

– Маги. Если они видели твоего проводника, в расчет они его – то есть меня – не возьмут. А, согласись, это нам на пользу.

– Магов в Бараре точно не было, – заявил я уверенно.

– Откуда ты знаешь?

– Я их чувствую.

– Ну возможно, были их служки. Мало ли кто там работает.

– Хитро придумано, – согласился я. – Нечего сказать.

– А ты и вправду убил стольких из них? – вдруг спросил Пронт, вновь наполняя кубок. – Магов в смысле?

– Даже не представляешь – скольких, – ответил я без гордости.

– Неудивительно, что Арцис так опасается за твою жизнь. – Он немного помолчал. – Ну и почему ты их так ненавидишь?

– А тебе не все ли равно? – передразнил я его.

Агент погрозил указательным пальцем с волшебным перстеньком, и я поспешил ответить.

– Три года назад они убили мою жену и похитили дочь.

– Сочувствую. Сколько ей сейчас?

– Десять.

– У нее тот же дар?

Я покачал головой.

– Тогда… – Агент с непониманием поглядел на меня. – Зачем она им?

– Кое-что ей досталось от меня, – со вздохом ответил я. – Слышал про Близнецов?

– Угу-м. А разве они существуют?

– Уверен.

– Твоя дочь – она как Близнецы?

– И да, и нет. Близнецы – это Сосуды для хранения магии. Два живых сосуда, способных держать измененную магию годами, в отличие от колдовского стекла и одлайского дерева. Но Лиля не только может хранить в своем теле заклинания, но и способна сберечь магиату.

– Никогда о такой не слышал. Это что – особая магия?

– Чистая магия. То, что превращается в огненные шары, вихри, молнии и прочую магическую дребедень. Магиата как металл, из которого колдун может выковать шлем, меч или щит.

– И откуда она берется?

– Из колдовских тел. Она рождается там, и только там.

– Интересно было бы на нее посмотреть.

– Не получится.

– Почему?

– Потому что я еще не встречал колдуна, который видел бы магиату.

– Но… как тогда они о ней узнали?

– Я же не говорил, что все они лишены этого дара.

– А ты? Ты ее видишь?

Я кивнул.

– И?

– Ничего особенного. Всего лишь облако разноцветной пыли. Но это не самая лучшая из моих способностей.

– А какая – самая?

– Я могу управлять магией. Как чистой, так и измененной.

– Запомню, что бы это ни значило. Ну?.. – Он кивнул на мой кубок, его уже был поднят над столом. – Давай прикончим эту бутылочку – и на боковую.

Кубки соприкоснулись. В отличие от гонца, я сделал пару глотков, решив остаться с ясной головой; немного поел винограда. А Пронт, как и прежде, опустошил кубок с убойным вином быстрее быстрого и, ни слова не говоря, довольный и во хмелю завалился на сиденье.

Кроме премудростей боя, искусства маскировки и тактики выживания агентов его величества, наверное, еще учили контролю над собственным сном. Пронт задремал так быстро, словно колдун произнес нужные для этого дела словеса. Стук копыт утонул в несмолкаемых «хррры! пфиии!».

Невзирая на вино мне пока спать не хотелось. Да и как заснуть? Когда голова пухнет от мыслей, освобожденных хмельным напитком, а агент как будто намеренно закинул руку на сиденье так, чтобы я видел волшебный перстень.

Жалкое положение: в шаге блестит крошечный предмет, от которого зависит моя судьба и судьба моей дочери, а мне лишь остается беспомощно на него глазеть. Что и говорить, настоящая пытка, сравнимая с той, когда перед дохнущим от жажды узником выливают ведро воды, не позволяя ее даже слизывать с грязного тюремного пола. Стоит только потянуться к перстню, как ошейник оживет и в очередной раз напомнит, что так делать не нужно. Мастерски, лучше любого убийцы, сожмет шею горячей удавкой.

– Кто только тебя, заразу, выдумал? – прошептал я, вставляя пальцы под ошейник. – Встретить бы этого выдумщика…

Стальной обод с высеченными рунами вновь всколыхнул мысли о дочери. На ее шейке висел в точности такой же ошейник, а я, отец, ничего не мог с этим поделать, ибо сам был пленником магической штуковины. И не имел ни малейшего понятия, когда от нее избавлюсь.

Как там сейчас Лиля?.. Я слегка прикусил нижнюю губу: зарекался же о дочери не думать. Не думать! Не думать! Не думать!

Безысходность стиснула сердце. Тоска по Лиле, неспособность освободить себя и помочь дочери – все это заставило поднять кубок, чтобы ненадолго залить безнадегу. Я допил вино и тупо уставился в чашу, размышляя, чем бы закусить.

Тьфу! Еще сижу и выбираю. Словно избалованный дворянин, знающий отличие между персиками с эльфийских деревьев и с наших, асготских. Фрукты нужно есть, а не любоваться ими. Ну хоть отвлекает от мрачных дум.

Некоторые фрукты я видел впервые, но их форма и цвет наводили на мысли о том, что выращены они были не людьми, не эльфами и точно не гномами, хотя бы потому, что последние, насколько известно, вообще ничего не выращивают. Рисковать собственным желудком было глупо, поэтому диковинные яства были спешно отодвинуты в сторону. Виноград я уже попробовал, с гранатом возиться не хотелось, яблоки, даже сахарные эльфийские, я не любил с детства, а груши возненавидел три года назад. Оставалось любимое лакомство короля – персики, судя по окраске и размерам, собранные в разных концах Эленхайма.

На свой страх и риск я допил остатки вина и, стараясь не тревожить заслуженный сон славного агента, прокусил желто-красный персик до косточки.

Липкий и сладкий сок густой струйкой потек по ладони. Как и у винограда, вкус персика был отменным, чему я нисколько не удивился: мы ехали в королевской карете, а значит, и стол тут должен быть соответственный. Сочная мякоть таяла во рту, как сахар, и немного отдавала медом.

Не успел я доесть медовый персик, как опрокинутый кубок вина дал о себе знать. Самым обычным образом. Голова поплыла, смелости ощутимо прибавилось, а вместе с ней возрос и соблазн сорвать волшебный перстень. Дабы не поддаться искушению, я улегся на сиденье, повернулся к стенке и крепко-крепко зажмурился, желая заснуть как можно быстрее.

Сон не пошел. За спиной, мне на зависть, храпел, как тролль, Пронт, впереди глухо топали толстоногие лошади, а сверху иногда постукивал каблуками лучник. Но дело было не только в звуках. После родной тюремной лавки спать на удивительно мягких сиденьях было непривычно. И, как ни странно звучит, даже… неудобно.

Я постоянно ворочался; то и дело принимался считать барашков – сбивался; пытался, как в таких случаях принято, думать о чем-то приятном – не получалось. Был, конечно, безотказный способ, но покидать тело в присутствии агента, пусть и видевшего десятый сон, я не решался. Да и утреннее неприятное возвращение из загробного мира еще оставалось в памяти.

Дочь все-таки пришла, несмотря на многочисленные попытки не думать о ней. Всплыла из глубин сознания и застыла, осветив мрак. Нет, не та Лилия, бледная, исхудавшая, в поношенных грязных одеждах и на цепи, а – цветущая и радостная.

Она была точь-в-точь такой, какой я ее запомнил в тот роковой день. Черные длинные и густые волосы, как у матери, были распущены, новое розовое платьице покачивалось на худой фигурке, солнышками желтели одуванчики в сплетенном венке, щечки горели, глаза искрились радостью, а улыбка…

Лиля, милая Ли…

Крысть! Под ногой хрустнула сухая ветка, похожая на тонкую, согнутую в локте руку.

Мы шли по лесу, собирая хворост. Пели, не смолкая, свою песнь птицы и с шорохом копошились в траве зверьки; высоко над нами летний ветерок шелестел листвой; косые солнечные лучи, пробиваясь сквозь мохнатые шапки деревьев, падали на траву и мох, заставляя их играть всеми оттенками зеленого; пахло древесной смолой.

Я нагнулся, приглядывая за Лилей, и подобрал хворостину.

Неугомонная дочка решила поиграть со мной в прятки. Когда я потянулся за хворостом, она, хитрюга, тихо скользнула за толстый ствол дерева и замерла там, забыв про собственную тень.

– Лиля! Лиля! Лиля! – позвал я ее, намечая тревогу. – Лиля!

Она не отзывалась. Я пошевелил пальцами, скапливая свет на их кончиках. Затем резко тряхнул потеплевшей ладонью, освобождая ее от огней, и повелел им лететь к дереву, за которым, похихикивая, стояла дочь.

Огни устремились вперед, рассекая стайкой светлячков лесной воздух. Я ощущал каждый из них, а они чувствовали меня.

«Покружитесь-ка вокруг этого дерева! – приказал я им, прикрывая глаза. – Не так быстро. Медленнее, еще медленнее. Вот так. А теперь опускайтесь».

Желтые и густые, словно крупные капли меда, огни закружились в темноте. С закрытыми глазами мне всегда было легче управлять магией; я видел ее ясно, чувствовал физически – каждый ручеек не толще волоска, каждую частичку не больше пылинки. Огоньки как будто водили хоровод не вокруг дерева, а передо мной, бросая на руки и лицо пятнышки света и исходя теплом.

Помимо недавно созданных огней возле дерева горел еще один – старый, неподвижный, не такой яркий, как другие, скрытый в теле дочери. Лиля, как и я, могла без труда пить магию, но, к сожалению, не могла избавиться от нее самостоятельно, сколько ни пыталась. Мои способности передались дочери лишь отчасти.

– А я тебя нашел! – крикнул я с радостью, открывая глаза.

Лиля настырно стояла за деревом, несмотря на пляску огней и мой провокационный крик. Хихикать она перестала, ее тень теперь недвижно лежала на траве.

Я подкрался к дереву и заглянул за него.

– Попалась!

Лиля вздрогнула, а потом насупилась, поглядывая на меня с обидой.

– Так нечестно, нечестно! – с досадой сказала она. – Твои огни меня нашли.

Я не знал, что сказать. Огоньки тут были ни при чем – так, для развлечения и тренировки.

– Папа, а когда я смогу управлять ими? – спросила она. Ее большие серо-зеленые, как у меня, глаза полнились надеждой.

Сказать «никогда» я никак не решался. Во-первых, не был точно уверен, что в будущем она действительно не сможет управлять магией. Во-вторых, не хотел так огорчать дочь, пусть сперва повзрослеет, года на три-четыре.

Она протянула ручонку и коснулась огонька над головой. Хихикнула, когда он закачался на кончике пальца, точно тяжелый шмель на тонком лепестке. Я не стал ей мешать.

Некоторое время Лиля рассматривала пойманный огонек, а затем начала его поглощать. Огонек растаял на кончике пальца, точно льдинка на солнце, и тонкими желтыми струйками потек под кожей, собираясь внутри ладони в лужицу.

– Пап, научи меня?

– А хворост кто будет собирать? – хитрил я. – Мама, наверное, нас уже заждалась.

– Пап, ну, пап!..

Хитрость не помогла. Не то чтобы я не желал учить дочь, просто огорчать ее не хотелось. А она обязательно расстроится, расхнычется, когда магия, вопреки желанию, так и не уйдет из тела.

– Ну хорошо, – нехотя сказал я и опустил охапку хвороста. – Давай попробуем.

Она вытянула ручку, не сводя глаз с ладошки, где сияла желтая лужица магии.

– Что ты чувствуешь?

– Тепло и… щекотно.

– А боли нет?

– Ни капельки, – покачала она головой.

– Хорошо. Магию ты ощущаешь. А сейчас попробуй передвинуть это пятно. Представь, что оно находится не в твоей ладони, а лежит на ней. Ну как монетка. Поняла?

– Поняла.

– Что ж, теперь вообрази, как эта монетка сама собой ползет. Туда, к пальцам.

Лиля сосредоточенно посмотрела на ладонь: пятно света не дрогнуло.

– Не получается, – огорчилась она, опустив руку.

– А ты попробуй еще раз, – посоветовал я, и сам уставился на ее ладошку. – Ну давай?

Мне придется еще об этом пожалеть. Пятно света, подрагивая, медленно поползло под кожей, повинуясь моей воле.

– Получается, получается! – радостно воскликнула Лиля. – Папа, папа, ты видишь?

– Вижу, вижу. Ты молодец! – Я едва заметно шевельнул пальцами, возвращая огоньки себе, в том числе и тот, который сиял в ладони дочурки и стал немым свидетелем обмана. – Придется тебя наградить. Только вот как? – Я с трудом выдавил улыбку.

– Грушу, грушу!

– Ну раз ты так хочешь, будет тебе груш целая корзина.

– А когда?

– Скоро, доченька, очень скоро…

Дзинь-дзинь-дзинь! Монетки медным дождем посыпались на широкую и мозолистую ладонь пожилого торговца.

Его звали Анбаром, но на рынке все называли его бандитом. Где купить лучшие фрукты? Известно где – у бандита, его лавка вон там. Рожа у него и впрямь была самая что ни на есть бандитская – в шрамах и рытвинах, словно под медвежьи когти попавшая, и вечно небритая; да к тому же под серой повязкой пряталась пустая глазница. Одним словом, бандит. Им, впрочем, торговец не был. А был он бесхитростным и добрым мужиком. Жена его умерла несколько лет назад, детей небожители не дали – вот и одичал от одиночества, только великолепный сад и остался.

Пока Анбар равнодушно пересчитывал медяки, я наполнял корзину грушами. Хороши были груши. Одна к одной, твердые, без червоточин – такие и к королевскому столу не стыдно подать. Лильке понравится.

Торговец бросил горсть медяков в карман и даже не заглянул в корзину (а вдруг я лишку положил?), зато как-то странно посмотрел на меня единственным глазом – черным, сверкающим и почему-то недобрым.

– Марта, – с непонятным мне беспокойством прошептал он имя моей жены.

– Что – Марта? – не понял я.

– Она… – Его вдруг передернуло, и он зачем-то схватил меня трясущейся рукой. – Она…

Я дернулся, едва не опрокинув корзину, но торговец и не думал меня отпускать. Наоборот – сильнее прежнего стиснул пальцы на моем запястье и снова прошептал:

– Марта… Ей…

Вид у торговца был такой, будто он видел нечто ужасное. Как у пророка, чей разум устремился сквозь время и пространство.

– Анбар, что ты делаешь?

Вместо ответа торговец дернул меня к себе и зачем-то сдвинул старую повязку, обнажив пустую глазницу.

– Ты видишь? – он смотрел на меня и как будто мимо. – Видишь? Это?..

Вдоль позвоночника забегал холодок. Я опять дернулся, но Анбар держал меня мертвой хваткой. Он больше ничего не говорил, его губы подрагивали, а пальцы стали холодны как лед.

В пустой глазнице кружилась тьма. Густая. Пугающая. Колдовская тьма, куда я, вопреки собственной воле, нырнул, потеряв счет времени…

Хресь! Дверь легко сошла с петель и грохнулась об пол в мертвой тишине. Не пели птицы, не стрекотали кузнечики и не гудели жуки. Хотя на дворе стояла ранняя осень.

Мрак растаял окончательно и я увидел незнакомца. Он стоял возле порога. Возле порога… моего дома. Незваный гость был высок и одет неброско; короткий темно-синий плащ колыхался на ветру, как и просторные черные штаны, заправленные в высокие кожаные сапоги; капюшон затенял лицо. Чужак опирался на длинный посох и стоял столбом, как будто дожидался приглашения.

Марта выбежала к порогу и, увидев чужака, замерла бледной статуей. Появилась и Лиля, с испугом посматривая то на выставленную дверь, то на незваного гостя.

– Отдай мне ее, – вдруг сказал чужак. Голос его был глухим и злым, как звуки орочьего барабана. – Отдай мне свою дочь.

Марта завертела головой, словно отыскивая помощь. Ей ничего не оставалось делать, кроме как закричать:

– ПОМОГИТЕ!!!

Проклятье! Я был поблизости, но не мог ни шевельнуться, ни подать голос. Невидимые, нервущиеся путы обвивали меня огромными змеями. А попытки вырваться только причиняли боль и высасывали остатки сил.

– Отдай мне ее, – повторил незнакомец. – И тогда никто не погибнет.

Марта заслонила собой Лилю.

– Что ж, ты сделала свой выбор, – произнес колдун и резко ударил Марту в лицо.

Ее далеко отбросило, она попыталась подняться – не вышло.

«Беги, беги! – в мыслях кричал я дочери, со страхом в душе наблюдая, как она склонилась над матерью. – Ну беги же! Беги!»

Но она не бежала, решив остаться с мамой. А этот ублюдок уже шел к ним. Уверенно и не оглядываясь; тук-тук – стучал его посох о половицы.

Небеса, дайте свободу! Хотя бы на миг!

Я дернулся из последних сил, но путы сдавили меня еще сильнее.

Колдун оторвал Лилю от матери, схватил мою дочку под мышку, точно купленного барашка, и молча пошел прочь.

– Мама, мама!

Лиля кричала, плакала, тянула ручки к матери и звала меня.

«Нет, не нужно! – в испуге вскрикнул я, когда Марта схватилась за вилы. – Тебе его не одолеть!»

Но, как и дочь, Марта не слышала ни единого моего слова. Выставив вилы, она с яростным криком бросилась на колдуна. Тот внезапно обернулся, едва не выронив мою дочь, и, сжав тонкие пальцы, унизанные перстнями, выбросил руку вперед.

Сквозь плач и крики моей дочери прорвался звук лопнувшей гуслярной струны, ветвистая серебристо-алая молния на мгновение пробежала между колдуном и моей женой. Время будто замедлилось. Я увидел, как рукоять вил пошла трещиной, с хрустом выбрасывая искры и щепки, а потом и вовсе вспыхнула ярким пламенем.

«Нет, нет, нет!» – билось в голове.

Марта упала рядом с горящими вилами. Она не шевелилась, от ее тела шел дым, кожа покрылась волдырями ожогов. После такой колдовской атаки не выживают даже маги.

«Лиля…» – Я бросил взгляд на опушку, но не нашел ни дочери, ни колдуна. Лишь из глубины леса доносился ее тонкий и жалобный крик, который удалялся с каждой секундой.

А тем временем за моим домом, из небытия, родилась тьма – грозная, беспросветная и шумная. Она поднялась выше печной трубы и всей своей мощью рухнула на родимый двор, поглощая тело жены и колдовские следы, – смывая все на своем пути.

Тьма пенилась, бурлила, выбрасывала в небо щупальца и неслась штормовой волной, желая пожрать и меня. В чернильно-черной жиже тонул мой дом, словно корабль в море; на глазах обращались в прах вырванные с корнем цветы.

Только сейчас невидимые путы ослабли, но желанную свободу я не получил. Кто-то сильный и быстрый схватил меня за шкирку и со скоростью летящего копья потащил за собой, спасая от прожорливой тьмы.

Призрак?.. Старый друг?..

Вначале был толчок, качнувший тело. Потом – недолгий человеческий крик. Следом – шум гаснущего от воды костра. Наконец голубизна неба сменилась знакомыми стальными потолочными листами, пробитыми заклепками.

Едва я успел открыть глаза, как на губы опустилась холодная и потная ладонь Пронта.

– Ни звука, – прошептал он, убирая ее.

Я хлопнул глазами. Пронт ничего не объяснил, но и так было яснее ясного, что на нас напали. Агент был встревожен не на шутку. Как, впрочем, и кони, которые нервно били копытами и пофыркивали. Из дверных щелей тек дневной свет; лес плотной стеной обступал остановленную карету, над нами раздавались тихие стоны; близко, очень близко затухала магия – слабая, простая и щедро разбрызганная. В воздухе плавали тысячи колдовских искр. Где-то их было больше, где-то меньше.

Я провел над сиденьем ладонью, пытаясь увидеть картину снаружи, и прикрыл глаза. За стенкой, у которой я лежал, словно полыхало пламя. Горячие ярко-красные капли магии все еще оседали на ней и кружились роем на расстоянии вытянутой руки от меня; да, будь карета обычной, гореть бы ей сейчас ярким пламенем. На козлах лежали возница с обугленным черепом и лучник, чье сердце до пепла сжег огонь. Тот, кто бросал огненные шары, был весьма меток, этого не отнять.

– Что ты делаешь? – спросил удивленный Пронт.

– Пытаюсь найти того, кто остановил нашу карету.

– С закрытыми глазами?

Я не ответил; обстоятельства не располагали к длительному разъяснению. В поисках мага я, не размыкая век, пошел по огненно-алым следам сотворенного заклинания. Без лишней спешки. Готовый к новым атакам. Блуждая во тьме.

Над ухом дышал Пронт. Во мраке, где-то в четырех локтях над землей, висели, мерцали и гасли искры заклинания, образуя эдакие дорожки – незримые для глаз миллионов, не предназначенные для ходьбы, но способные привести меня к их создателю. Была еще одна дорожка, почти незаметная даже для меня и наверняка оставленная сбежавшим в лес вторым лучником. Его слегка забрызгало магией.

Почти прямые, без ловушек и защиты дорожки быстро вывели меня на колдуна. Точнее – на облако разноцветной пыли. Вот она, чистая магия, не измененная заклинаниями и не разбавленная зельями. Ни простые люди, ни маги не могут распознать в человеке колдуна, покуда он не начнет творить волшбу. Мне его даже не обязательно видеть.

Разноцветные частицы быстро-быстро неслись по венам, бились вместе с сердцем, вздымались одновременно с грудью и, гонимые тяжелым дыханием, густо летели изо рта. Я видел, как они рождаются, живут и умирают; как уплотняются, наливаются огненно-алым цветом, чтобы по приказу создателя вырваться на волю огненными молниями или шарами; наконец, как разноцветное облако движется в нашу сторону, периодически замирая. Магия впиталась в кожу, смешалась с кровью, въелась в кости, осела на одежде и волосах, поэтому описать человека, остановившего карету огнем, было легко.

Колдун был высок, молод, длинноволос и слаб. Нет, не телом, а способностями. Ах да, был он еще и трусоват. Сердце его так и выпрыгивало из груди; чуть ли не через каждый шаг он останавливался, чтобы осмотреться.

Любитель. Освоил два-три простеньких заклинания и теперь мнит себя настоящим колдуном. Магия рождалась в его теле медленно-медленно, как у ребенка, который только что переступил порог академии. Если верить магическим следам, колдун вогнал в карету три огненных шара размером с кулак. Всего лишь три огненных шара. Но такое примитивное заклинание, пусть и сотворенное трижды, измотало его так, будто ему пришлось утопить в огне целый город. Весьма прискорбно: пить почти нечего – так, на один глоток.

Нас с колдуном разделяло шагов пятнадцать, когда я открыл глаза.

– Как? Нашел? – прошептал Пронт.

– Нашел, – ответил я, понимая, что моя жажда вновь останется неутоленной.

– Кого?

– Мага. Кого же еще.

– Думаешь, за тобой?

– Нет.

– Уверен?

– Так же, как в том, что Арцис Храбрый – король Асгота.

– И откуда такая уверенность?

Откуда-откуда. Оттуда. Вот привязался. Везде свой нос сунет.

– Во-первых, маг всего один. Кроме того, не сильнее гоблинского шамана. Колдуны, конечно, ублюдки – особенно некромаги, но отнюдь не ослы. На меня бы послали сотню таких, если не больше.

– Ты себе льстишь, – улыбнулся Пронт. – А другие есть? Не в одиночку же он решился напасть на королевскую карету.

– Извини, чувствую только магов. Про других сказать не могу. Зато точно знаю, что мы потеряли возницу и одного лучника. Второй – дал деру. И, между прочим, правильно сделал, иначе последовал бы за возницей.

– Вот подлец, – засопел Пронт. – Найду, лично глотку перережу… И ты это все сквозь стенку увидел?

Я кивнул. Послышались шорох листьев, хруст веток.

«Другие», заставившие себя ждать, появились в тот момент, когда колдун уже шел вдоль встревоженных лошадей. Пронт вытянулся в полный рост и бесшумно скользнул к двери. Встал на цыпочки, чтобы заглянуть в щель.

– Сколько их?

– Пока вижу двоих. Один лысый, голопузый и здоровенный, как тролль. С топором. Второй поменьше, в кольчужке. Вооружен луком и коротким мечом.

– Что они делают?

– Идут к нам, поигрывают оружием. А вот и третий. Видно, его ждали.

– Дай угадаю. Длинноволосый, широкоплечий, лет двадцати пяти. А ладони у него мерцают красным светом.

– Не скрою, это впечатляет куда больше, чем летающие огни, – одобрительно прошептал агент. – Мне бы твой талант, давно бы уже стал начальником службы его величества.

– Если хочешь, могу убить его прямо сейчас. Не покидая кареты.

– Пока рано. Нужно убедиться, что перед нами вся компания. А потом – сколько угодно.

– Одного не могу понять: чего они так медлили?

– Опытные разбойнички. Не сразу бросились на добычу. Сперва осмотрелись, выждали. Вдруг за нами целый отряд скакал. И смелые. Не каждый станет нападать на королевскую карету. Эх, забыл я, что мы на юге. В северных лесах ни одна тварь не рискнула бы выползти из норы, увидев герб Асгота на дверце. А тут…

– Эй, в карете, открывайте двери! – пробасил один из разбойников. – А то зажарим вас, как цыплят.

– Зажарим, – подтвердил писклявым голосом другой.

– Выходите. Ваша охрана уничтожена, – сказал последний из разбойников, и я увидел, как в воздух фонтаном брызнули разноцветные пылинки. Вот и маг голос подал. – Ждать мы не любим.

– Не любим, – вновь пискнул голос.

Пронт отстранился от щели, бросился к сиденьям и достал из-под них знакомые мне голубые кольчужку и накидку, а потом серенький плащ с капюшоном. Плащ агент протянул мне. Сам, морща нос, стал спешно одеваться в противные ему вещи.

– Вот сейчас и проверим, насколько тебя боятся маги.

– А зачем это? – я кивнул на плащ.

– Нужно на время спрятать твои волосы. Они известнее тебя самого. – Он тихо усмехнулся. – Не поверишь, почти в каждой таверне можно услышать пьяные байки про человека с голубыми волосами. То есть… змеями.

– Змеями?

– Ну да. Меня почти убедили, что вместо волос у тебя на голове клубок тонких голубых змей, а на месте глаз горят угли. – Он набросил накидку, поднял глаза к небесам и, немного помолчав, снова зашептал. Еще тише, чем прежде: – План таков…

– Эй, вы там! – прервал Пронта басовитый разбойник. – Сейчас пойдем за хворостом.

– Пойдем! – с угрозой запищали снаружи. – И без глупостей. С нами маг, – гордо заявил пискун.

– Итак, слушай и запоминай. Я выхожу первым, изображая из себя трусливого дворянина. Ты – следом. Обязательно стой за мной. Лучше молчи. Вот, точно,

прикинься немым. Как только я буду готов, подам тебе знак.

– Какой? – спросил я, набрасывая на плечи плащ.

– Поднимусь с колен.

– А дальше? – Я накинул капюшон.

– Ты подтвердишь, что способен одолеть мага одним пальцем. А я… В общем, об остальных разбойниках не беспокойся. Главное – смотри, чтобы маг не подпалил мне задницу. И не забывай про перстень. Вздумаешь хитрить… – Он не уточнил, какое наказание ждет меня за провинность.

Агент дернул засов. Налег плечом на дверь, открывая ее.

– Не убивайте нас! – весьма правдоподобно завопил Пронт, выходя из кареты испуганным дворянином. – Не убивайте, – чуть тише проскулил он, прикрываясь руками как от удара.

«Ну актер! – подивился я, не сводя глаз с агента. – Все-таки какой талант – талант с большой буквы! – потеряли асготские театры».

Пронт, вскинув руки, хотел уже было шагнуть к разбойникам, когда маг направил на нас ладонь, готовую выпустить еще один огненный шар.

– Стойте там, – приказал колдун, изучая нас, словно воевода новобранцев.

Дрожа всем телом, Пронт тотчас бухнулся на колени и склонил голову перед разбойниками, как перед королем, не забывая при этом почти незаметно изучать местность.

– Смотри, смотри, у него золотой перстень! – воскликнул пискун и с горящими глазами тут же ринулся к нам, но маг его остановил, преградив дорогу рукой.

– Не спеши, – предупредил колдун.

– Мы же столько ждали! – подал голос голопузый здоровяк. – Может, пора уже чистить карету, – он кивнул на нас, – и этих двоих.

– Дурак, у него перстень Подчинения, а их кому попало не дают. Очень подозрительная компания, – с умным видом проговорил колдун, не переставая нас изучать. – Поэтому не будем рисковать понапрасну. – Он огляделся по сторонам.

На самом деле разбойников было четверо. Просто четвертый из них – светловолосый щупленький паренек, прыгнувший на крышу с дерева, – теперь не интересовал ни нас, ни собратьев по грязному ремеслу, ибо висел на пиках задней стенки кареты, как кусок мяса на шпаге, да еще и со стрелой в когда-то горячей башке. Сомневаюсь, что даже некромаги польстились бы на этого свеженького, но чрезвычайно попорченного мертвеца. Концы пик торчали из молодой согнутой спины; кровь текла по стенке кареты, заполняя высеченные руны; рубинами падали крупные капли в алую лужицу, которая собралась между задними колесами; неподалеку валялся разбойничий арбалет. Всевозможные мухи и жуки, казалось, слетелись сюда со всего леса, чтобы исполнить погребальную песнь невезучему разбойнику, ну и заодно отведать человеческой кровушки.

Шум поднялся такой, будто мы разворошили огромный улей. Рядом с каретой неустанно жужжал и стрекотал стихийно собранный рой, сверкая сотнями разноцветных крыльев и панцирей. И мне, и разбойникам – особенно голопузому здоровяку – то и дело приходилось отгонять безумных от пира летунов, доказывая, что мы пока не мертвецы. На Пронта летающие твари не льстились – видимо, отталкиваемые стойким запахом эльфийских духов.

– Ты! – Колдун ткнул в меня указательным пальцем. – Покажи-ка нам свое личико.

– Да, покажи-ка, – повторил пискун.

– Может, пора? – поинтересовался здоровяк. – Давай прикончим их, делов-то, – он крутанул огромный топор в воздухе.

– Пускай сперва сбросит капюшон, – ответил колдун.

– Нет, нет! Возьмите все. Только не убивайте! Мы о вас никому не скажем, – жалобно проскулил Пронт, подбираясь на коленях к разбойникам.

– Я сказал тебе: не двигаться! – закричал маг. – Ты снимешь свой проклятый капюшон или нет? – Он вскинул руку, и я четко ощутил, как магические частицы оживились в его пальцах.

В этот момент Пронт, переставив колени еще ближе к разбойникам, вскочил на ноги, и я с радостью сбросил капюшон, наслаждаясь видом перепуганного до смерти мага.

Он даже не пытался метнуть в меня огнем, а сразу бросился наутек, ничего не объяснив растерявшимся собратьям по темному ремеслу. Их растерянностью и воспользовался Пронт; в его руках уже блестели тонкие, как иглы кинхасса, кинжалы, не то выброшенные из рукавов, не то незаметно извлеченные из-за пояса.

Агент метнулся к голопузому разбойнику удивительно быстро, не оставляя неповоротливому противнику ни малейшей надежды выжить. Не успел здоровяк и замахнуться, а кинжал по рукоять вошел ему чуть выше кадыка. После чего Пронт, не глядя, отбил короткий меч пискуна. Сделав выпад, пискун попятился, с трудом отражая стремительные, как и сам агент, атаки. Отдав себя на волю агента, я зажмурился, чтобы во мраке найти сбежавшего мага.

В темноте звенела сталь, шумели жуки и бесшумно летело разноцветное облако, удаляясь все дальше и дальше от кареты. Для агента маг был уже недосягаем. Но не для меня.

Попался, мерзавец. Скудная и беззащитная магиата колдуна почувствовала мое присутствие. Разноцветные частицы дрогнули и побежали, полетели к натруженным беготней легким. Ведомое моей мыслью разноцветное облако уплотнилось, сжалось и застыло в колдовской груди, сбивая мага с ног.

Колдун корчился на траве, не в силах ни вдохнуть, ни выдохнуть. Я немного полюбовался его унизительными страданиями, после чего дал ему глотнуть воздуха, разбив плотное разноцветное облако на крупные части и бросив их выше. Практика не повредит.

Колдун, пошатываясь, поднялся. Только рано он радовался, жадно откусывая лесной воздух. Магиата уже текла густыми ручьями в мозг. Вначале разбойник ничего не почувствовал – даже сделал несмелый шаг – но потом, схватившись за голову, понял, что его несчастья не кончились. Магиата заливала колдовскую башку, доставляя ему невыносимые муки. Но недолго. На моей памяти никто из магов не выдерживал такой пытки. Колдун-самоучка не был исключением. На свое счастье, он вырубился от боли довольно быстро.

Во тьме, где-то там, за деревьями, в глубине леса, в голове колдуна словно копошился клубок радужных змей. Пронт, видимо, уже покончил с пискуном, потому что звуков схватки я не слышал, только жужжание надоедливых насекомых. Ничто не мешало изменить магию в чужом теле.

Моей голове тоже пришлось несладко. От напряжения она загудела. Знакомое ощущение – как правило, предвещающее смерть очередному колдуну. Я глубоко вдохнул, на мгновение замер и мысленно устремился к чужой магиате, чтобы превратить чистую магию в огненную.

Она легко поддалась. Разноцветные частицы обрели единый цвет – цвет раскаленной лавы, способной вскипятить мозг в мгновение ока. Частицы намертво слиплись и начали постепенно истекать обжигающими каплями. Даже тут, стоя далеко-далеко от горячего сгустка измененной магии, я ощущал их тепло.

Пора. Я представил, как крепко, до треска, сжимаю чужой череп, и увидел, как колдовской мозг исчез в огне. Конечно, к этому моменту маг был уже мертв. Мозг превратился в кашу, забурлил и запенился. А после с глухим хлопком вырвался из тесного черепа наружу, словно варево из котелка, накрытого крышкой.

Покончив с колдуном, я открыл глаза. Вдалеке, напротив меня, между деревьями поднимался жидкий дымок – единственное напоминание утомительного и сложного преобразования магии.

Агента искать не пришлось. Он, истекая потом, сидел на трупе пискуна, сжимая в ладонях красные от крови кинжалы, и с интересом пялился туда же, куда и я секунду назад.

– Вот и все, – отчитался я.

– Хочешь сказать, колдун мертв?

– Мертвее не бывает.

– А что это был за шум?

– Ты о хлопке?

Он кивнул.

– Лучше не спрашивай.

– Пойдем-ка проверим, – он поднялся с трупа и махнул мне кинжалом.

– Что, никогда не видел мертвого мага?

– Убитого тобой – никогда, – без иронии ответил он, направляясь в глубь леса.

– Не доверяешь?

– Доверяй, но проверяй, – с усмешкой бросил он, не оборачиваясь ко мне.

Делать было нечего. Я поплелся за ним, хотя на мага с лопнувшей головой смотреть совсем не хотелось…

Запахло гарью. Пронт остановился так резко, будто уперся лбом в невидимую стену. Стеной этой был мертвый колдун – вернее, его пустой и дымящийся череп. Не веря своим глазам и не говоря ни слова, агент тут же сел на корточки перед остывающим телом.

Некоторое время он просто смотрел на него, а потом с опаской заглянул в отдающую жаром черепушку. И с умным видом принялся ее разглядывать. Как будто никогда человеческого мозга не видел. Все это время я стоял поблизости, наблюдая, как затухают мелкими угольками остатки магии. Навсегда.

– Анхельм Антимаг, – с уважением обратился он ко мне, – ты действительно опасный человек. – Он наконец-то поднялся и спросил: – Ты с каждым так можешь?

– На твое счастье, только с колдунами и некромагами, – улыбнулся я. – Только с ними.

Он засмеялся, но его хриплый смех вдруг сорвался в кашель. К моему изумлению, агент, совсем недавно прикончивший без особого труда двух вооруженных разбойников, опустился на одно колено и уперся кулаком в траву. Казалось, еще миг, и он, поверженный страшным кашлем, упадет рядом с колдуном.

Ощущение близости свободы захлестнуло меня. В голове заметались шальные мысли. Если только, если только Пронт умрет тут, в глухом лесу, от неизвестной болезни, то мне останется лишь снять перстенек, а потом без страха отправиться к Желтым горам. Туда, к Лиле!..

– Чего задумался? Я еще не сдох, – сквозь кашель бросил Пронт. – Ты так легко от меня не избавишься.

Агент, пошатываясь, поднялся с колена, громко кашлянул и стер знакомым кружевным платком кровь с губ. Затем сделал пару шагов и припал плечом к дереву, продолжая хрипеть и кашлять.

– Иди к карете, – приказал он.

– Ты ранен?

– Не твоего ума дело.

– Может, помочь?

– Ты плохо меня слышал?! – крикнул Пронт, впервые дав волю нервам. – Немедленно иди к карете. Избавь ее от трупов и разбери завал на дороге. Надо отправляться. – Агент прикрыл глаза, тяжело дыша. – Мы и так сильно задержались, – еле слышно прошептал он мне в спину.

Разбойники накидали лишь крупных веток на дороге, так что с завалом не пришлось возиться долго. С трупами было сложнее.

Пока мы любовались убитым магом, рой насекомых прибавил в размерах. Мухи и жуки копошились в траве, окропленной свежей кровью, облепили заднюю стенку кареты так, что и высеченной руны было не разглядеть, и, конечно, кружились над трупом молодого разбойника. Бросаться в это сумасшедшее облако, рискуя быть укушенным, не было никакого желания. И на крышу я решил забраться с козел, над ними к тому же не торчали зловещие пики.

Тут, возле козел, насекомых было куда меньше, чем у задней стенки кареты. Магия пугала их, да и запекшаяся от огня кровь не сильно прельщала. Недолго думая я стянул труп лучника и положил его рядом с телом пискуна. Вскоре к ним присоединился и мертвый возница. Мухи и жуки перекочевали следом за трупами. Путь на крышу освободился.

Когда я уже ухватился за ее край, появился Пронт. Он еле-еле доковылял до подножки, опустился на нее и, бросив печальный взгляд на сложенные трупы, уставился себе под ноги.

– Вот тебе и срезали путь, – сказал он недовольно.

Все-таки как странно у них там, в службе его величества, устроены дела. На месте короля я бы ни за что не доверил больному агенту – а его хворь была явно тяжелее простуды – такое опасное задание: сопровождать человека, которого жаждет убить каждый встречный колдун. Чревато крупным провалом.

Нет, Пронт ловок, быстр и смел. Но вдруг его неизвестная хворь, рвущая легкие до крови, напомнит о себе в самый неподходящий момент? Когда он, опытный агент, в очередной раз бросится на врага?

Неужели Пронт рискнул водить за нос самого Арциса и всю его службу? Не верю. Такие игры ни с королем, ни с его службой ничем хорошим не заканчиваются. А если – да? Тогда непонятен его интерес в этом задании. На месте агента было бы разумно искать себе лекаря, а не колесить по дорогам, рискуя жизнью. В его-то положении и…

– Чего замерз?! – прикрикнул Пронт. – Вроде не зима на дворе.

Он демонстративно поднял ладонь с перстеньком и почти сразу опустил. Приступ неизвестной хвори истощил агента, как долгий бой; струйки пота ползли по болезненно-бледному лицу. Так или иначе, перстенек требовал безоговорочного подчинения.

Я подтянулся, закинул колено на крышу, стараясь не вляпаться в кровь, а затем, отгоняя от себя назойливых насекомых, выпрямился в полный рост.

Очумевшие от пира мухи и жуки настырно лезли в глаза, в уши, в нос. Меткий лучник, пустивший последнюю стрелу в своей жизни, лежал на боку, спиной ко мне. Я склонился над ним, ухватился за окровавленное плечо, стараясь поднять, и услышал стон. Слабый, едва уловимый в неустанном жужжанье стон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kaymanov_stepan/prakticheskaya-antimagiya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить